

НАТАЛИЯ ЛЕВИТИНА

**ПРАКТИЧЕСКИ
НЕВИНОВНА**

Весёлое семейство майора Здоровякина

Наталия Левитина

Практически невиновна

«Автор»

2009

Левитина Н.

Практически невиновна / Н. Левитина — «Автор»,
2009 — (Весёлое семейство майора Здоровякина)

ISBN 978-5-17-075761-9

Каких только чудес на свете не бывает! Правда, случаются и такие, от которых мороз по коже... Виктория Коробкина открыла глаза и... обнаружила себя на обочине загородной трассы за рулем изящного французского автомобиля. На ней чужая дорогая одежда, в сумочке документы на имя Алисы Горностай. Что с ней произошло, как она очутилась в этой машине, Виктория не помнила. Последние дни словно стерты из ее памяти. Заглянув в зеркальце заднего вида, Виктория вскрикнула от ужаса — на нее смотрело абсолютно незнакомое лицо!..

ISBN 978-5-17-075761-9

© Левитина Н., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наталия Левитина

Практически невиновна

Глава 1

Перламутрово-синий «рено-символ» застыл на обочине, словно брошенная ребенком игрушка. Холодное апрельское солнце вспыхивало лимонными огнями в его стеклах, лакированных боках и зеркалах. Мимо по мокрому и черному весеннему шоссе стремительно проносились машины, и из-под их колес летели во все стороны ледяные брызги. Изящный французский седан находился вне зоны досягаемости.

В нескольких метрах от обочины начинался сосновый лес. Живописный частокол красно-коричневых стволов окружал загородную трассу, на пушистых зеленых кронах сосен в недосягаемой высоте равнодушно лежало прозрачное бледно-голубое небо.

В салоне автомобиля находилась девушка. Так как «символ» не имел видимых повреждений, не хотелось думать, что с незнакомкой, пристроившей голову на руле машины, произошло несчастье. Возможно, девушка решила отдохнуть, как это сделал знаменитый разведчик, остановив «мерседес-бенц» на подступах к Берлину. Но тогда ей следовало принять позу поудобнее, чем поза жертвы лобового столкновения.

Однако владелица автомобиля оставалась неподвижной гораздо дольше, чем это потребовалось Штирлицу для восстановления душевных сил. Минуты уплывали одна за другой, растворялись в вечности, а девушка не просыпалась.

Наконец она пришла в себя. На ее лбу отпечатался ромбик – фирменный знак «рено». Выглядело это пикантным дополнением к большим серым глазам и «рваной» темной челке.

Кажется, ее звали Викторией. Но состояние девушки в момент преодоления анабиоза было таково, что она не смогла бы однозначно ответить на вопрос о собственном имени.

– Что со мной?.. – прошептала она беззвучно, одними губами. Губы, как и ромбик на лбу, были безупречны: пухлые и капризные, в стиле журнала Playboy. – Где я?..

Девушка недоуменно оглядела салон. Это был испуганный взгляд космонавта, против воли замурованного в капсулу и отправленного в межгалактический полет.

Удивленно осмотрев приборную панель, руль, сиденья, Вика медленно переместила взор на свои руки. Руки явно принадлежали другой женщине. То есть они значительно похорошели с тех пор, когда она видела их в последний раз. Где цыпки и заусенцы, обычные для труженицы, заменяющей собой и стиральную, и посудомоечную машины?

Нет, кисти были идеально мягкими, а каждый ноготок – достоин экспонирования в Третьяковской галерее. Невероятной длины фиолетово-пурпурные ногти были причудливо разрисованы кисточкой и украшены стразами.

Настал черед одежды. Подобную роскошь Виктория позволяла себе – но только не сейчас, а года три назад. Когда она была женой Коробкина. Теперь, привычная к жестокой бедности и ограничениям, Вика с трепетом разглядывала длинный кожаный плащ, сияющий бирюзой и серебряными аксессуарами, синюю кашемировую водолазку, кожаную юбку и сапоги-ботфорты. Колготки не выбивались из общей тональности наряда – по ногам Виктории ползли серебристо-голубые змеи.

– Гениально! – выдохнула Вика. – Белье, надо полагать, соответствует цветовой гамме. И тоже веселого бирюзового цвета.

Проверить догадку она не успела, потому что, поправив зеркало заднего обзора, увидела наконец отражение своего лица.

– О боже! – закричала Виктория. – Что это!!! Боже мой! Нет!!!

Из зеркала на нее смотрел совершенно чужой человек.

После развода в сентябре прошлого года Илья Здоровякин¹ пребывал в состоянии перманентной угнетенности. Тоска и отчаяние накрыли его удушливым черным покрывалом. Модный кризис самоидентификации, умноженный на мрачный пессимизм и семейные неудачи, явил миру очередного городского неврастеника. И этот крайне опасный, психически нестабильный индивидуум, каким теперь стал Здоровякин, еще обязан был ходить на работу, расследовать преступления и заботиться о троих пацанах и глупой, выгнавшей его из дому жене.

Внешне он оставался милым слоненком, грандиозные размеры которого предполагали врожденное добродушие. Да, раньше так оно и было. Но сейчас Здоровякин нес в себе тайную угрозу ядерного заряда, готового сдетонировать в любой момент.

Нынешний образ жизнь кардинально не устраивал Илью. А Марию, похоже, устраивал на все сто.

Илья сохранил за собой все бесконечные обязанности многодетного папаши – кормить, водить в зоопарк, вытирать сопливые носы, объяснять значение непонятных слов («экстаз» и «супрематизм»). Но утратил одно-единственное право – класть безразмерную волосатую лапу на гладкое Машино плечо, с загаром, не сошедшим с прошлого лета, привлекать к себе жену властным движением законного собственника, изощренно мучить долгими ночами. Нет, в девять вечера его выставляли за дверь.

Иногда Илье удавалось уговорить непокорную. Не чаще одного раза в неделю. Или в месяц. Короче – сплошное издевательство над возвышенными устремлениями личности, жаждущей секса, как минимум, три раза в день. К тому же на завоевание утраченных привилегий уходило столько же энергии, сколько на уговоры девственницы или взятие Бастилии.

А Мария, как назло, загадочным образом округлилась, наела щеки, что раньше ей никак не удавалось, и выглядела чрезвычайно довольной новыми жизненными условиями.

«Любовника завела!» – остолбенел вдруг Здоровякин, пронзенный отвратительной догадкой. Вмиг ему стало понятно происхождение таинственного мерцания в глазах Маши и улыбки, постоянно играющей в уголках губ. «Влюбилась, дурочка! – подвел итог мысленным наблюдениям Здоровякин. – Убью гада!»

Именно решительность и смелость очаровали Машу много лет назад при знакомстве с Ильей.

Кошунственная догадка подтвердилась в тот же день. Здоровякин увидел Марию, неторопливо шествующую рядом с каким-то типом. Тип, по мнению Ильи, не обладал абсолютно никакими достоинствами. На вид ему было сорок. Из-под дорогого плаща выглядывал не менее дорогой и безумно элегантный костюм. Безукоризненной стрижке не страшны были порывы весеннего ветра. А тонкая усмешка и легкий прищур глаз неуловимо ассоциировались – любая женщина бы подтвердила – с чарующим образом Джеймса Бонда.

Но Здоровякин был мужчиной, и, как мужчина, он не испытывал восхищения подобными мармеладными красавчиками, искренне полагая, что все они из клана голубых. Однако Джеймс Бонд взирал на здоровякинскую экс-жену откровенным гетеросексуальным взглядом. Илья и сам на нее так смотрел каждый вечер, в надежде получить карт-бланш на ночную вакханалию.

«Проклятие!» – выругался отставной супруг, продолжая наблюдение. Наружная слежка была любимым занятием Здоровякина. Имея рост под два метра и косую сажень в плечах, Илюша умело маскировался в толпе, преследуя жертву. Иногда, правда, в пылу преследования он сносил киоски и затапывал пару-тройку прохожих, неосмотрительно преградивших дорогу малютке-сыщике.

¹ О приключениях Ильи Здоровякина читайте в книгах «Экстремальная Маргарита» и «Девушка без недостатков».

Розовошекая от холодного апрельского ветра и почти двадцатилетняя Мария взидала на спутника снизу вверх, внимательно его слушая. («Не верьте никто, ей скоро двадцать девять! – хотелось закричать Здоровякину и спрятать соблазнительную Машу от чужих алчных взглядов. – У нее шрам под левой коленкой, трое детей и неуравновешенный стокилограммовый муж!»)

Бонд проводил Марию до офиса. Они немного постояли у крыльца, что-то сосредоточенно обсуждая. Илья понял: если сейчас они зайдут в офис «Поможем!», закроют за собой дверь и опустят жалюзи на окне – он за себя не отвечает. Он вынесет дверь, ворвется ураганом, сметет всю мебель, разорвет в клочья Бонда и придавит Марию...

Нет, Марию оставит в живых до пятницы, так как в пятницу Антошку надо вести к стоматологу, а он, Илья, не ощущает в себе нравственных сил слушать детские вопли под вой бормашины. Пусть с Антоном идет Маша. А в субботу он ее задавит.

Но элегантный мужчина не поднялся по лестнице. Он только пожал Машину руку, кивнул напоследок и растворился в прохладной дымке.

– А, это ты, привет, – весело сказала Маша, увидев Здоровякина. – Как дела? Зайдешь? Кофе выпьешь?

– С мышьяком? – недоверчиво покосился на супругу Илья.

– Что? Дурень! С каким мышьяком?!

– С кем ты так мило сейчас беседовала?

Илья уставился на Машу, ожидая смущения, пунцового румянца, заматавшегося взгляда. Но Мария даже не моргнула.

– С Вепрецким. Ян Николаевич, сотрудник Главного финансового управления областной администрации.

– И почему он смотрит на тебя влюбленными глазами?

– Разве? Не заметила. Я пишу для него программу. Мы обсуждали нюансы. Ну, пойдем, я замерзла. Ты что, ревнуешь?

Маша поднялась по ступенькам и стала возиться с замком. Здоровякин оглядел хрупкую фигурку на фоне массивной железной двери, а потом не удержался и поцеловал жену три раза в шею, открывшуюся сзади, когда порыв ветра легко взметнул ее волосы над воротником куртки.

– Ты что! – возмутилась вредная Маша. – Мы ведь договорились: без приставаний!

Она нахмурилась и оттолкнула от себя плотоядного кинг-конга.

Здоровякин зарычал.

М-да... Странный у них был развод.

Потрясение, испытанное Викторией, на несколько минут стерло ощущение боли, которой наливалось ее тело по мере возвращения к действительности. Гудела, взрывалась фейерверком голова, перед глазами бежали лиловые огоньки, ломило кости – весь комплект, от самой крошечной до большой берцовой. Челюсти ныли, язык не помещался во рту, в гортани першило. Спина в районе поясницы горела, словно там сняли пласт кожи.

– Это похмелье? – спросила себя Виктория. – Я что, напилась?

...Так же плохо она чувствовала себя после очередного избиения, когда Коробкин, настигнув беглянку в Саратове, целых полчаса методично и хладнокровно испытывал на прочность ее природную конструкцию. Он прижал Викторию к кафельной кухонной стене, и прохладный кафель показался ей раскаленным. Он не бил по лицу – чтобы не пришлось объяснять сыну происхождение кровоподтеков и ссадин. Экзекуция проходила в полном молчании: в комнате спал Данилка, и ни он, ни она не хотели его разбудить. Напоследок он зажал ей рот рукой и, уставившись в мокрые от слез глаза, сломал мизинец...

Воспоминания о том ужасе заставили Вику покрыться испариной, накатила адреналиновая волна страха. Девушка усилием воли заставила себя не думать. Она снова посмотрела в зер-

кало, пытаясь привыкнуть к новому отражению. Теперь лицо не выглядело таким уж незнакомым. По чьей-то непонятной и загадочной воле Вика лишилась гривы длинных светлых волос. То, что сейчас украшало ее обворожительный череп, несомненно, было модной филированной стрижкой. Но чересчур короткой! Из бледной блондинки она превратилась в колоритную брюнетку. В ушах сверкали голубым холодным светом топазовые серьги. Брови были как росчерк черной туши на белом ватмане. Яркие губы горели соблазном...

Измученная постоянным страхом быть найденной, уставшая от вечной гонки преследования, Вика давно забыла о стартовом капитале, выданном ей при рождении Богом, природой, родителями. Она родилась красавицей, и ее блистательные внешние данные семь лет назад принесли ей титул королевы красоты. Но красота, как и любой талант, требует постоянного труда. Виктории приходилось тратить силы на другое: она исчезала, пряталась... Иногда она бежала, бросив вещи, и у нее не было денег, чтобы в новом городе, незнакомом и не всегда гостеприимном, покупать одежду или косметику. Ей часто и хлеб было купить не на что.

И Виктория постепенно забыла чудесную сказку, в которой она играла роль принцессы. Мужчина, выбранный ею самой, предложил другую роль. Очаровательную «Красавицу Приморья-96» он превратил в затравленное, испуганное существо. Вернее, попытался превратить.

– Все в прошлом, – сказала Виктория и улыбнулась зеркалу.

Ее ждал сюрприз. Улыбка. Белозубая, восхитительная улыбка. Еще неделю назад Вика не посмела бы улыбнуться так открыто. Она и говорить-то старалась едва разжимая губы. Потому что «бриллианты – лучшие друзья девушки», а вечный страх и плохое питание – лучшие друзья кариеса.

Непонятные силы, причастные к таинственной метаморфозе, не только поместили Викторию в салон иномарки, облачили в дорогую одежду и кардинально изменили внешность, но позаботились и о зубах.

– Как?! – недоуменно моргала Вика. Она раскрывала рот, словно голодный кукушонок, разглядывая в зеркале обновку. Все тридцать два зуба были безупречны и сверкали жемчужной белизной.

С трудом, медленно и осторожно, Виктория выбралась из «рено». Организм невыносимо страдал, самая маленькая клеточка, самая ничтожная митохондрия стонала от боли.

– Как мне плохо! – сказала Виктория. – Неужели я напилась? Какой несвойственный мне поступок! Никогда не испытывала интереса к алкоголю. И что, вообще, произошло?

Вдохнув ледяного воздуха, пройдясь на высоких каблуках взад-вперед, Вика почувствовала себя бодрее. Нужно было возвращаться в город. Она подняла руку, чтобы проголосовать, но передумала и обернулась к автомобилю, грустившему на обочине. Вика решила, что не вправе бросить на произвол судьбы доверенный ей кем-то «рено». К тому же ее сердце привычно таяло от близости красивой иномарки – машины были ее страстью.

Вика села за руль и хлопнула дверцей. Ключ торчал в замке зажигания.

– И-эх! – в радостном волнении воскликнула Вика, услышав ровное урчание мотора. Сердце замерло. Она лет сто не водила машину. Когда она жила с Коробкиным, у нее был элегантный джип RAV-4. И она виртуозно им управляла.

Через пару минут «рено-символ» мчался по Западному шоссе в сторону города со скоростью 120 километров в час.

Не остановить иномарку с красоткой за рулем – предать профессию, опозорить форму. Именно так, наверное, рассуждал гаишник, преградивший жезлом путь перламутрово-синему автомобилю.

«Я ничего не нарушила!» – беззвучно возмутилась Вика. Она сбросила обороты сразу же, едва встречная машина предупредительно моргнула фарами. И «символ» подполз к реклам-

ному щиту, под которым хитроумно притаились сотрудники дорожно-патрульной службы, уже со скоростью покаленной улитки.

Но тут Виктория вспомнила о своем широкомасштабном похмельном синдроме. Ее сердце застучало в ускоренном ритме.

– Хай! – обольстительно улыбнулась она гаишнику, выглядывая в окно и стараясь не дышать в сторону мужчины. – Сегодня прохладно, да?

– Городское управление ГИБДД. Сержант Гришин, – представился юноша. – Документы предъявите.

– Документы... – озадаченно повторила Вика. Об этой малости она как-то забыла. Она думала, ее сразу же заставят дышать в трубочку, стоять на одной ноге и прыгать через огненное кольцо. – Ах, минутку!

Она схватила с правого сиденья сумку из серебристой кожи и стала в ней рыться.

– Вот, нашла!

Сейчас она будет разоблачена. Доблестный сержант Гришин сразу же выявит несоответствие личности дамочки представленным документам. И начнет выяснять, где настоящий хозяин «рено» и в каких родственно-дружеских отношениях она с ним состоит. И не угнала ли она этот автомобиль. Да... Виктория сама бы не отказалась узнать ответ. Где ее длинные золотые волосы? Где ее кариес, наконец?

– Алиса Витальевна Горностай, – прочитал инспектор. – Алиса Витальевна, откройте багажник.

– Что?

– Багажник откройте.

«Алиса Витальевна? Горностай?! Какой бред! – возмутилась Вика. – А в багажнике наверняка труп!!!» Мысль о трупе парализовала Викторию. Почему она не проверила багажник, прежде чем сесть в автомобиль!

Неполных полтора метра до багажника она преодолевала пять минут. Сержант терпеливо ждал. Он скромно разглядывал голубых змей на ее колготках.

Внезапно «символ» утратил вес и оторвал колеса от земли. Виктория попыталась вернуть его на место, но автомобиль вырывался из рук, словно перламутрово-синий шар, наполненный гелием. Сержант Гришин строго погрозил полосатым жезлом, и Вика заметила, что черные полосы на его средстве заработка инкрустированы мелкими розовыми камнями, а белые заполнены странными красными иероглифами. Иероглифы, вероятно, были нарисованы недавно, так как краска не успела высохнуть. Сержант Гришин испачкал ладони и нервно вытирал их о форму, размазывая алую эмаль по мундиру. И тут Вика поняла, что гаишник размазывает по себе не краску, а кровь...

...да она легкая, я сам... шприцы... придержи дверцу... покороче... еще... руки давай сюда... как на фотографии... ярче, да, еще сильнее... не больно... совсем, я думаю... марк...

Виктория открыла глаза. Лучи апрельского солнца грели ее лицо. Сержант Гришин стоял рядом, абсолютно чистый и аккуратный, и ждал, пока девушка откроет багажник.

В багажнике лежало запасное колесо.

– Езжайте. Удачной дороги!

Окончательно сбита с толку, Виктория завела мотор и рванула с места...

Глава 2

Начало марта

Вика обмотала Данилу шарфом. Из-под трикотажной шапки выглядывали два огромных серо-голубых глаза.

– Сапоги порвались, – констатировало дитя.

– Да ты что! – расстроилась Вика. Она внимательно изучила повреждение. Тонкая ботинка на дешевых сапогах лопнула, и наружу радостно полз белый синтепон.

– Ничего, я зашью.

Вика вздохнула. Сын был одет по последнему слову китайской моды: его гардероб формировался исключительно на вещевом рынке – там было все самое дешевое. Вика покосилась вправо – на Аллочку, натягивавшую на себя ярко-красный финский комбинезон. Рядом стояла Аллочкина мама в золотистых соболях.

– Представляешь, – пожаловалась она Вике, – какая сволочь эта домработница! Три раза ей сказала: «Помой винтовую лестницу на мансарду» – и все три раза она меня проигнорировала! Я так расстроена!

– Действительно, несчастье, – кивнула Виктория. – Данилка, потопали!

В распахнувшуюся дверь вломилось бесчисленное войско острых снежинок. У ворот детского сада стояли припорошенные белым пушистым налетом иномарки, снег на них сверкал алмазными брызгами.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь! – отчеканил Данила. – «Лендровер», «kia», «мерседес», «ситроен», «форд», «дэу», «ниссан»!

– Молодец! – восхитилась Виктория познаниями сына.

– А мы пешком.

– И прекрасно прогуляемся!

Сильный порыв ветра метнул им в лица ледяную горсть снега, подтверждая, что их прогулка будет удивительно приятной.

Морозный воздух и шарф не давали Даниле раскрыть рот, поэтому их дорога домой проходила в молчании. Вынужденная неразговорчивость сына позволяла Виктории уноситься мыслями в прошлое...

...Тогда в Саратове она, захлебываясь беззвучными слезами, уговорила Коробкина не будить ребенка ночью. Он согласился, пообещав заехать утром и отвезти вновь обретенную семью в аэропорт. Кирилл ушел, вырвав шнур у телефона и закрыв на ключ входную дверь.

Виктория, морщась, перебинтовала изувеченный мизинец, зубами затянула бинт, собрала в сумку вещи и разбудила Данилу. Тот подскочил с готовностью человека, для которого сон – не удовольствие, а наказание.

– Уже утро? Можно встать? Ты порезалась? Ножом? А почему темно?

Целых полчаса было истрачено на соседку – та никак не могла оправиться от шока, увидев за оконным стеклом неожиданных посетителей (Вика и Данила перебрались на ее балкон). А еще через полчаса они уже тряслись в междугородном автобусе.

После Саратова был Нижний Новгород. Затем Воронеж.

В обоих городах повторилась обкатанная схема – поиски жилья и работы, трудное приживание, обустройство. И опять – появление Коробкина... Он ворвался в квартиру. Первая оплеуха отбросила Вику в угол прихожей. Второй, как ни странно, не последовало. И через мгновение Виктория поняла почему. За ее спиной стоял Данила и с ужасом смотрел на отца.

– Сынок, привет, – растаял Коробкин. – Я так по тебе соскучился, родной!

Сынок шархнулся в сторону от протянутых к нему добрых отцовских рук. Он обхватил за шею Вику.

– Я тебя не люблю, ты плохой! – выкрикнул Данила.

– Гадина, – прошипел Коробкин. – Настроила против меня ребенка!

Он с удовольствием пнул бы ее ногой, но не решился окончательно уронить акции в глазах сына.

– Одевайтесь оба! Мы уезжаем!

Но жена и сын недолго радовали Кирилла своим присутствием: они удрали из громадного коробкинского джипа уже через первую сотню километров. Он заехал на бензоколонку и, залив бензин, отправился в придорожную забегаловку за хот-догами и кофе. А потом швырял хот-доги в траву и топтал их ногами, размазывая кровавый кетчуп подошвами фирменных ботинок. Как она смогла открыть замки? Куда они исчезли? Куда она опять увезла ребенка – безмозглая гнидастая барби, курица, стерва! В следующий раз он открутит ей голову!

Следующего раза ему не представилось. Судьба сдала ему мелкую карту, а в колоду Виктории подложила сплошные тузы. В декабре прошлого года Кирилл Коробкин погиб в авиакатастрофе.

...Увязая в мартовских сугробах, сквозь неприятную колкую вьюгу Виктория и Данила упорно добивались домой. «Надо было попросить Аллочкину маму нас подбросить, – подумала Вика. – У Данилы наверняка совершенно промокли ноги».

Чтобы пристроить сына в хороший садик, Вике пришлось два месяца отработать в нем нянечкой. За три года скитаний она привыкла к любой работе, и перспектива круглосуточной возни с грязными горшками ее не пугала. Но нянечке, вернее, «помощнице воспитателя» платили пятьсот рублей в месяц. А имея зарплату в пятьсот рублей трудно было платить две тысячи за снимаемую однокомнатную квартиру. И иногда почему-то хочется есть. Воскресные дни превращались в катастрофу – лишенный детсадовского пайка, Данила преследовал кормилицу бесконечными вопросами: «А скоро обед? А что на ужин? А мы сегодня еще раз будем есть?»

Но два месяца вынужденного рабства закончились, и Виктория устроилась в автосалон «Тойота», где на высоких подиумах дожидались потенциальных владельцев сверкающие изделия японского автопрома.

Вика, безусловно, рассчитывала на должность продавца-консультанта. Она разбиралась в автомобилях, обожала их металлический блеск, хромированные изгибы, послушность и нордовистость. И она умела убеждать. Другими словами, Виктория отлично бы впаривала дорогие машины крутой публике. Но директор сказал старшему менеджеру: «Да ты что! Она откроет рот, и все клиенты в панике разбегутся, увидев ее зубы. Пусть сначала приведет себя в порядок. Девочка, конечно, фактурная. Но зубки как у гиены».

И Викторию посадили к компьютеру в угол стеклянного аквариума. Она оформляла справки и молча улыбалась. Ее переполняли энергия и оптимизм, гибель бывшего мужа в вертолете Ми-8 под Нижним Тагилом освободила ее. Для Вики началась новая жизнь – спокойная и стабильная, теперь она дышала полной грудью, она рассталась с постоянным страхом быть найденной, она была способна справиться с любой задачей.

Со временем, думала Вика, она обязательно займет более выгодную должность. Сначала накопит денег и отдастся в руки хорошего стоматолога. Затем уговорит директора сделать ее консультантом. Одновременно устроится агентом в страховую компанию, как это делают другие сотрудники, чтобы получать комиссионные с каждого проданного автомобиля. Вот тогда они с Данилой заживут припеваючи!

А однажды в салон зайдет симпатичный мужчина, решивший между делом прикупить «короллу» или «авенсис». Он уронит задумчивый взгляд на Викторию, увидит ее ослепительную улыбку, ее бюст, ее ноги, такие стройные из-за привычки экономить на еде, и поймет, что встретил сказочную принцессу-златовласку.

Нет! Никаких мужчин! Больше она не попадется на эту удочку! Коробкин тоже когда-то был нежным и заботливым. И куда потом делась его нежность?..

– Мама, зайдем в магазин!

Снизу настойчиво дергало за руку любимое существо.

– Нам не нужно в магазин, – твердо сказала Вика.

– Не бойся, я не буду опять просить подъемный кран, – успокоил детеныш. – Я только посмотрю через витрину.

У Вики заныло сердце. Подъемный кран стоил целое состояние – 68 рублей. Добавить два рубля – и получится пособие, выделяемое заботливым государством в месяц на ребенка (и даже это мизерное пособие было для Виктории недоступно из-за отсутствия прописки).

– Сынок, я все тебе куплю, дай мне только время заработать деньги. Мы больше не будем переезжать из города в город. Мы не будем убегать. Я устроилась на хорошую работу.

– Папа больше не будет за нами охотиться?

– Нет.

– А почему?

– Даже самому неутомимому охотнику нужен отдых.

Когда Виктория узнала об авиакатастрофе под Нижним Тагилом, она, несмотря на тиски нищеты, вытряхнула заначку, сформированную на случай нового побега, купила бутылку шампанского и выпила его в одиночестве, мрачно празднуя освобождение.

Аполлинария привыкла, что ее имя вызывает у собеседников удивление. Ее называли Аполлинаруйей в честь прадеда, она гордилась своим именем, считала его красивым и звучным. Да она и сама была красивая и звучная, и даже семь лет назад победила в конкурсе «Красавица Приморья». А потом судьба потребовала уплатить проценты за все чудесное и неповторимое, произошедшее в жизни Полины до двадцати двух лет. В двадцать два года, переболев на третьем месяце беременности страшным гриппом, Полина родила сына. Ребенок появился на свет с редким комбинированным пороком сердца.

Архаичное имя Аполлинаруйи так же не соответствовало духу времени, как ее судьба – внешности, талантам, ожиданиям. Кто объяснит, почему она, такая нестандартная, интересная, умная, должна быть глубоко несчастна?

Полина возвращалась в город из санатория «Серебряные ключи». Белая «мазда» мчалась по шоссе, удивляя необычной для ее возраста прыткостью. Ежедневный кольцевой маршрут Полины – город – санаторий – город – словно являлся моделью ее жизни: безостановочный бег по кругу, однообразное движение по орбите с центром притяжения в образе больного ребенка.

В городе Николаша задыхался, и Полине стоило огромного труда поместить его в фешенебельный санаторий на берегу озера Ачакуль. Сегодня она везла с собой очередной список – лекарства, капельницы, шприцы. Она смотрела на длинный реестр и думала не о том, сколько ей понадобится денег, чтобы купить препараты, а о том, сколько понадобится сил Николаше, чтобы все это вынести. Ее несчастный малыш.

Два месяца назад, после новогодних праздников, Полина с сыном пришла на прием в детскую поликлинику и обнаружила нового кардиолога – немолодую упитанную женщину в красивых очках с замысловатой оправой. Массивные серебряные украшения с бирюзой отвлекли внимание Полины. Но кардиолог молниеносно вернула ее к действительности.

– Что же вы, мамочка, – сказала она, – никак не решитесь на операцию?

– Почему? – изумилась Аполлинария. – Нас поставили в очередь.

Свыкнуться с мыслью об операции было невыносимо трудно. Ей страшно было представить, что бледного, всегда грустного Николашу увезут от нее на каталке, нафаршируют хлипкое тельце пластиковыми трубками, залепят пластырем, искромсают скальпелями. Но Полина себя преодолела.

Врач смотрела сквозь стекла очков сочувственно и устало.

– Очередь – не для вашего ребенка, – тихо, но твердо произнесла она. – Он не доживет до операции.

Полина ощутила пустоту в груди и дрожь в коленях. Она полагала, что держит ситуацию под контролем. А сейчас почему-то проваливалась в бездну.

– Я не понимаю, – пробормотала она. – Нас консультирует профессор Сластухин. Он сказал, у нас достаточно времени.

– Бог мой! – всплеснула руками кардиолог. – И вы его слушаете? Профессор Сластухин – древнее ископаемое. Он очень старый человек. А кардиохирургия развивается немыслимыми темпами. Сластухин как врач умер лет пятнадцать назад. Он, наверное, до сих пор считает, что операция с отжатию аорты – великая редкость. Думаете, он в курсе современных мировых тенденций? Что он знает о вживлении аппарата вспомогательного кровообращения? Об аутопластике? Как вы вообще на него вышли? Он ваш знакомый? Родственник?

– Он консультирует в медцентре «Гиппократ» на проспекте Мира! – возмутилась Полина. – И за каждую консультацию я плачу тысячу рублей! А в медцентр меня направила ваша предшественница.

– Ну, понятно, – усмехнулась врач. – Спихнула тяжелый случай маразматичному старичку, чтобы самой не возиться. Подумать, тысяча рублей за консультацию! Половина моей зарплаты! Кошмар какой! Нет, я удивляюсь. Весь цивилизованный мир принял систему страховой медицины. Мы, как всегда, изобретаем квадратное колесо. У нас теперь медицина платная. Более уродливой и безжалостной по отношению к больному системы выдумать нельзя. Эти умники в медцентре, которые додумались извлечь на свет божий профессора Сластухина, стряхнуть с него пыль и посадить на консультации, назвались именем Гиппократа. А они вспомнили о том, что Гиппократ категорически запретил врачу брать деньги с больного?

– Но я ведь...

– У Сластухина на старости лет, очевидно, атрофировалась совесть! Он сам вам должен был платить за то, что крадет у вас время. По большому счету операцию Коле надо было сделать целую вечность назад.

– Мне сказали...

– Это проблема всех неэкстренных больных. Они вроде бы могут подождать. И ждут. А болезнь тем временем занимает новый плацдарм.

– Я думала...

– Поймите, Полина, с каждым годом, даже месяцем, вероятность благополучного исхода операции уменьшается. В сердце и легких происходят необратимые морфологические изменения. Порок заставляет организм запускать компенсаторные механизмы, и со временем эти механизмы приобретают характер устойчивых связей, не подверженных обратному развитию. Вам понятно? Ладно, я не буду грузить вас терминами. Просто ищите, кто вас возьмет. У Николаши редкий порок на запущенной стадии. Обратитесь в Москву, в Институт имени Бакулева, в Новосибирский НИИ патологии кровообращения. Возможно, у них были прецеденты, и они вам не откажут. И собирайте деньги.

– Сколько? Много?

– Думаю, немало. Но неужели вы так и будете покорно стоять в очереди на бесплатную операцию? Надеетесь, государство вам поможет? Минздрав выделяет в год деньги менее чем на тысячу операций, а ежегодно рождается порядка восьми тысяч детей с пороками сердца.

– Но я думала...

– Надейтесь только на собственные силы. Нашему государству и здоровые дети не очень нужны, а больные – подавно. И торопитесь. Вы упустили время. Скажите спасибо профессору Сластухину. Но я уверена, Полина, вы найдете и хирурга, который согласится прооперировать Колю, и деньги. Вы мать.

В природе существует более пятидесяти видов пороков сердца, а сочетания их бесконечны. Николашино сердце отличилось – комбинация его дефектов была редкой и замысловатой. Аполлинария плотно засела в Интернете и вскоре получила ответ из Мюнхенского кардиоцентра. Сотрудница центра Анна Келлер сообщала, что у них было два схожих случая, обе операции прошли успешно и немецкие врачи согласны прооперировать ребенка из России. К электронному письму фрау Анны прилагался прайс на услуги кардиоцентра. Стоимость операции повергла Полину в шок. Но что ей оставалось делать? Только искать деньги.

И гордая Аполлинария, неприступная зеленоглазая красавица, начала карьеру профессиональной вымогательницы. Врач-кардиолог была права – кроме матери, близких родственников и немногих друзей судьба Николаши мало кого интересовала.

Родители передали из Владивостока две тысячи долларов. Для них это была огромная сумма. Друзья и знакомые собрали еще пять. Маша Здоровякина, узнав о Полининой проблеме, вытрясла из кубышки три тысячи евро, а затем стала судорожно прикидывать, что продать.

– Джип, – поняла она наконец.

– Нет, – твердо отказалась Полина. – Еще чего не хватало! Тебе три рта кормить. И не надейся, твой громадный старый драндулет никого не прельстит.

– Почему старый? – обиделась Мария. – Девяносто седьмого года. Пацанчик совсем.

– Оставь эту идею. «Ниссан-патрол» продавать нельзя. Автомобиль вашей семье необходим, а с твоей манерой езды джип – единственный не противопоказанный тебе вид транспорта...

Валютный счет в «Алекс-банке» наполнялся предельно вяло. В какой-то момент поступления и вовсе прекратились. Полина окончательно забыла о надменности и высокомерии – эти качества, надо признать, были ей свойственны, так как с детства она привыкла осознавать свою исключительность. Королевская осанка и сияющий презрением изумрудный взгляд были совершенно неуместны в ее ситуации, Полина бульдозером ровняла свой характер, повинаясь прихоти судьбы. Ей невероятно трудно было просить, умолять, кланяться, но именно этим она теперь занималась с утра до вечера.

Деньги давали неохотно, а ведь город был буквально переполнен людьми, способными одномоментно решить Полинину проблему. Нувориши, капиталисты, коррупционеры, мафиозные авторитеты, предприниматели – они могли перечислить на счет в «Алекс-банке» необходимую сумму и даже не заметить утраты. Но именно в глазах богачей читала Полина отвращение, а не сочувствие. «Как надоели попрошайки! – неслоь ей вслед из приемных роскошных офисов. – Ходят толпами, и всем дай денег!»

Незаурядная внешность Аполлинарии, ее фигура, пышные темные волосы и зеленые глаза стали дополнительным провоцирующим фактором. Униженное положение просительницы заставляло толстосумов трепетать от вожделения. Молодую женщину оглядывали с ног до головы, как рабыню на рынке.

«Ты это, давай-ка, потрудись, – ухмыльнулся один из бизнесменов, круглый, подвижный крепыш в дорогом костюме, надетом поверх черной футболки. Он взглядом указал Полине на место со своей стороны рабочего стола. Тонко взвизгнула молния на его ширинке. – А я пока три штуки отбашляю». Полина задохнулась от гнева и отвращения. «Дура! – прокричал вслед крепыш. – Я за минет ни одной проститутке столько не предлагал!»

Кинжал в сердце ей воткнули в благотворительном фонде «Мать и дитя». После непродолжительной беседы с молодой директрисой – шикарной расфуфыренной дамочкой – Полина, полная надежд, отправилась в бухгалтерию. Пять тысяч евро! Целых пять тысяч! Эта сумма сильным рывком приближала ее к финишу мучительной дистанции. Показался в рассеивающей дымке аэропорт Мюнхена, слышался металлический стук хирургических инструментов, раскладываемых на стерильной поверхности в операционной.

– Распишитесь здесь и здесь.

Бухгалтер ткнула пальцем в ведомость и начала отсчитывать купюры.

– Рублей?! – изумленно выдохнула Аполлиария. Кто-то столкнул ее в февральскую про-
рубь. Ледяная вода обжигала.

– Пять тысяч рублей, – равнодушно объявила бухгалтерша, выкладывая перед девушкой
тонкую стопочку.

Директриса знала, какая сумма требуется на операцию, но дала указание выдать Полине
всего пять тысяч рублей. Это было как насмешка!

А дамочка, непонятно кем назначенная на должность директора благотворительного
фонда, видимо, решила быть до конца доброй. Она остановила расстроенную и злую Полину
у выхода и, внутренне ликуя от своего потрясающего гуманизма, сделала ей предложение:

– Приходите ко мне убирать квартиру. Мне нужна домработница. Я буду хорошо пла-
тить...

И Аполлиария, испробовав себя в роли попрошайки, познала новую грань унижения.
Страшно нуждаясь в деньгах (она, конечно, неплохо получала в фирме «Поможем!», но рас-
ходы на лекарства и ежедневную порцию бензина съели бы и самую невероятную зарплату),
Полина стала домработницей – пылесосила ковры и натирала паркет в апартаментах дирек-
трисы, гладила шелковые блузки от Лакруа, вручную стирала кружевное белье. Дамочка на
самом деле хорошо платила. А Полина наливалась горечью классовой ненависти...

Но нет. Три месяца в поисках денег позволили узнать и много хороших людей. Ей сочув-
ствовали люди, к сердцу которых не нужно было пробиваться сквозь толстый слой шоколада,
то есть такие же обыкновенные борцы с жизненными невзгодами, как она сама.

...Ежедневный путь Полины завершился на заснеженной площадке около офиса «Помо-
жем!». Она припарковала потрепанную «мазду» рядом с черным джипом начальницы. С
Машей Здоровякиной Полина познакомилась в детской поликлинике. Девушки молниеносно
нашли общий язык. Обе – программистки. Вскоре Полина получила работу в «Поможем!».
Работа по специальности и Маша в роли босса стали для Полины спасением. Она потеряла
несколько высокооплачиваемых мест только потому, что понятия «хороший работник» и «мать
больного ребенка» несовместимы.

Аполлиария не переставала размышлять о превратностях судьбы. «Щедро наделяя
кого-то красотой, умом, талантом, природа одновременно включает счетчик, словно готовится
выставить человеку счет за преимущества, предоставленные на старте. Судьба как будто дает
кредит, за нецелевое использование которого приходится отвечать. И если человек не сумел
правильно распорядиться предоставленными богатствами, наказание будет гораздо более ощу-
тимым, если б он с самого начала ничего не имел», – думала Полина. Ее природа наградила
фантастически щедро. А теперь она жестоко наказана. Оставалось понять – за что? В чем ее
вина?

Месяц назад Маша обнаружила в себе ранее неведомую страсть – к сладкому. А затем
с радостью заметила, что в непосредственной близости от офиса «Поможем!» дислоцируется
парочка кофеен, где ее страсть будет стопроцентно удовлетворена.

Кофейня «Флибустьер», оформленная дизайнерами в стиле старинного корабля, с дере-
вянным штурвалом у входа и занавесками в виде парусов, манила ароматом крепкого кофе,
запахом ванили, корицы, кардамона. Это было королевство взбитых сливок и сахарной пудры,
фундука и арахиса, имбирных пряников и миндального печенья, шоколадной глазури и оре-
ховых начинок, рассыпчатых штруделей и круглых пончиков, вишневых пирогов и эклеров
с фисташковым кремом... Чай подавали в специальных керамических чайниках – разнообра-
зие сортов было безгранично: черный, зеленый, жасминовый, с гибискусом, матэ, с цукатами,
лепестками роз, вереском, мелиссой, земляничным маслом.

В километре от «Флибустьера» находилась кофейня «Лимон». Ее шеф-кондитер был жестоким искусителем и настоящим виртуозом. Отведав бисквитный торт «Штраус», украшенный шоколадными нотами и скрипичным ключом, с фирменным ромовым кремом, Мария поняла простую истину. В ее жизни стало на одну любовь больше. Да, теперь она искренне могла признаться, что любит Лешу, Антошу, Эдика, экс-мужа (куда ж от него денешься!) и еще торт «Штраус».

С тех пор как Валдаев окончательно сгинул в Европе, а Здоровякин вернулся на работу в ГУВД, в здание на Петербургской площади, под мужественное крыло Зуфара Алимовича, Мария заняла офис «Поможем!», перетащила туда компьютерную технику и теперь безнаказанно упивалась любимой работой вдали от домашних забот.

Внезапно превратившись в сладкоежку, Маша стала практиковать набег на близлежащие кофейни. Она по три часа сидела у открытого ноутбука, а официантки в нарядах ярко-желтого цвета и в шапочках в виде половинки лимона безостановочно приносили ей чай, кофе, торты и пирожные. Ей выдали карточку постоянного клиента. Через месяц пояс джинсов стал как-то особенно безжалостно врезаться в Машин живот. Очевидное – невероятное: она потолстела.

– Еще кофе? – наклонилась к прожорливой клиентке официантка.

– Угу, – кивнула Маша.

Официантка оторвала ее от мыслей о Здоровякине. Именно до боли знакомая физиономия Ильи непонятным образом высветилась на экране Машиного ноутбука. Как ни старалась Мария сосредоточиться на алгоритмах новой программы, она видела перед собой простую и милую ряшку супруга.

Добившись развода, Мария словно поставила точку в истории с Настасьей². До этого она три с половиной года пыталась простить мужа, забыть о его измене, научиться воспринимать его так, как раньше, доверять ему и таять от нежности. Нет, ничего не получалось.

И вот в сентябре прошлого года они развелись. Наконец-то зло было наказано. Муж-предатель получил по заслугам.

Судья удивленно смотрела на двухметровый шкаф, в образе которого являлся обычно публике Илюша, и на хрупкую девушку, выглядывающую из-под здоровякинского локтя. На судебное заседание настойчиво отвергаемый супруг принес букет цветов (проконсультировался по телефону с Валдаевым).

– Вы хорошо подумали? – спросила судья у Марии. – У вас все же трое детей.

– А при чем здесь дети? – озадачилась Маша.

– Ну как! Мальчикам нужен отец.

– Я согласна. Пусть забирает всех троих, – быстро закивала Маша. – Я буду приходить в гости по воскресеньям.

– У меня опасная работа! – подскочил Здоровякин. – Я дома не ночую!

– А у меня недостаток веса, я не справлюсь с ними одна!

– Тем более вам не стоит разводиться! – вставила судья.

– Еще чего! – возмутилась Маша. – Ладно, беру детей, уговорили...

Итак, Мария добилась развода и выставила мужа из дома. Она отпраздновала победу и провела первый вечер в одиночестве. Конечно, она была в квартире не одна – за стеной спали дети. Но пустое кресло перед телевизором, продавленное Здоровякиным, кричало о том, что нарушено устройство мира, Земля вращается в обратную сторону, реки потекли вспять.

Вволю насладившись свободой, на второй день Маша принялась думать, как жить дальше. Она вдруг осознала, что на этапах ее персональной личностной эволюции рудимен-

² О грехопадении Здоровякина читайте в книге «Экстремальная Маргарита».

тарное чувство любви к Илье не желает умирать. Разлюбить мужа оказалось еще труднее, чем простить. Жить без Здоровякина было как-то совсем неинтересно.

– Ты не забыл, что развелся со мной, а не с детьми? – официальным тоном сказала она ему по телефону. – Ты что это, папаша, прохлаждаешься? Быстренько забрал сегодня детей из садика.

Через месяц после развода Здоровякин впервые пробил оборону и остался на ночь. Секс был невероятен. Разлука подогрела их желание, воздержание отшлифовало либидо. Здоровякин радовал агрессивностью, он был молодым голодным тигром. Илья изменил Маше с Настасьей, а Мария теперь изменяла своему статусу разведенной дамы, используя для этого бывшего мужа. И стоило тогда разводиться?

Да, стоило, твердо решила Мария. Их новые отношения с Ильей не имели бы остроты и терпкости, если бы продолжались в рамках подпорченного изменой брака. Маша старалась капитулировать не чаще одного раза в неделю, чтобы не развращать осужденного перспективой близкой амнистии...

Мария бросила взгляд, полный сожаления, на пустую чашку кофе и блюдец, где еще десять минут назад возвышался треугольник торта. Затем она посмотрела на экран, испещренный алгоритмами программы для Главного финансового управления обладминистрации. Эту программу заказал Ян Вепрецкий. Прошла всего неделя с момента их знакомства, а Ян Николаевич уже явно конкурировал с Ильей, заставляя впечатлительную программистку думать о себе. Да, не только малыш Здоровякин был постоянным героем ее мыслей, Ян Вепрецкий безудержно рвался к верхним строчкам хит-парада. А почему бы и нет? Ведь Мария теперь была свободной женщиной (правда, с полновесным прицепом в виде трех неутомимых микробов). Что мешало ей увлечься кроме бывшего супруга еще и свежим кавалером?..

Звон колокольчика предупредил о новом посетителе кофейни. Это была молодая красивая брюнетка, закутанная в роскошные меха. Обладательницы шуб торопились выгулять дорогих любимиц – мартовские морозы давали им последний шанс. У Марии был пуховик.

Вместе с женщиной в ароматное тепло кофейни ворвалась стая сверкающих снежинок, и влетело облако ледяного воздуха. Затем донесся тонкий запах духов. Мария оторвала взгляд от экрана и поняла, что знакома с новым клиентом кофейни.

– Алиса! Здравствуйте! – обрадовалась она.

– Маша!

Алиса сбросила шубу на руки подскочившей официантки. Под шубой оказался великолепный костюм из лайковой кожи цвета мокко. Полгода назад по чьей-то рекомендации Алиса Горностай обратилась к Марии. Она хотела поставить защиту на домашний компьютер.

– Суперзащиту, – пояснила она.

– Понятно, – кивнула Маша. – Будете хранить в его памяти корпоративные секреты.

– Нет, я собираюсь вести интимный дневник.

Мария не знала, чьей давней любовницей является светская львица Алиса Горностай, иначе она не удивилась бы желанию дамы покрыть пятидюймовой броней ноутбук с начинкой всего лишь из субъективных мнений и оценок ее личной жизни.

Но желание заказчика – закон. Алиса получила «суперзащиту» и теперь могла смело предаваться жизнеописанию, шпигуя текст пикантными подробностями и не волнуясь, что ее дневник прочтет кто-то посторонний...

– ...Как ваш компьютер?

– Функционирует, – кивнула Алиса. – Вы здесь давно? Все попробовали?

– Учитывая грандиозность ассортимента, пробовать приходится поэтапно.

– Это моя кофейня, – сказала Алиса.

– Seriously?

– Да. Еще «Флибустьер». Там бывали?

- Конечно!
- И «Маркиза».
- А где это? – оживилась Мария. «Маркиза» как-то ускользнула от ее внимания.
- В начале Дипломатического проспекта.
- Обязательно заеду. Я без ума от ваших кофеен. Но цены!
- Давайте я вам сделаю персональную скидку. Возьмите карточку постоянного клиента.
- Уже есть. Кстати, а выгодно держать кофейню?

Алиса мило проигнорировала вопрос, оставив Марии возможность самой догадаться, доходно ли ее коммерческое предприятие.

Через несколько минут непринужденного разговора и обмена улыбками и комплиментами Алиса скрылась за внутренней дверью помещения, планируя, видимо, заняться дрессировкой персонала. А Мария украдкой и не без труда застегнула под свитером пуговицу джинсов и стала собирать вещи – компьютер, бумаги, авторучки.

Глава 3

Середина апреля

В двенадцатом магазине Алиса поняла: ее разнузданный шопинг – не что иное, как попытка заглушить основной инстинкт, властно требующий удовлетворения. Алиса уже нагрузилась тонной пластиковых пакетов, оставив в руках алчных продавцов около ста тысяч. Она купила седьмой по счету мобильный телефон – суперкомпактный и сверхлегкий, безумно дорогое шелковое постельное белье цвета слоновой кости, изумительные в своей непрактичности туфли из перфорированной замши, туалетную воду от Chanel, костюм из свежей весенней коллекции Rabann, элегантный серебряный кофейник, носовые платки Dior, вазу из венецианского стекла, кружевное платье в стиле винтаж – словно обкусанное молью, браслет с коньячными бриллиантами, сувенирного медведя из эбонита, бархатные брюки и водолазку Gucci, голографическую губную помаду шести различных оттенков, кожаные рамки для фотографий, пять соблазнительных комплектов нижнего белья, атласную подушку с изящной ручной вышивкой, пляжную юбочку, крутые лакированные сапоги на молнии от «Max&Go», компакт Валерия Меладзе, миленького крокодильчика-прищепку для купюр, сделанного из белого золота, вельветовый пиджак Escada, голубые колготки с рисунком в виде серебристых змей и прочий хлам. Но, несмотря на разнообразные приобретения, бездну потраченных денег и времени, Алису переполняли скука и недовольство.

В бутике «Mango» она остановилась у огромного аквариума. Вода за стеклом переливалась розовым, синим, аквамариновым, длинные зеленые водоросли волшебным образом шевелились, и среди них резвились крупные полосатые рыбки с прозрачными рваными плавниками.

«Нерестятся, – с черной завистью подумала Алиса. – Счастливые!»

А она была несчастлива. Перспектива одинокого вечера угнетала. Как бы долго ни длились вылазки в магазин и в различные увеселительные заведения, все равно каждый раз приходилось возвращаться домой. Квартира Алисы была обставлена мебелью, привезенной на заказ из Италии, модный в городе дизайнер выдержал интерьер в соответствии с самыми актуальными тенденциями, паркет был сделан из выбеленного клена. Ну и что? В этой квартире Алиса была безумно одинока.

... – Девушка, вы уронили!

Алиса обернулась. Она достала брелок и собиралась открыть перламутрово-синий «реносимвол». Парень лет двадцати размашисто пересек парковку и вручил Алисе маленький ламинированный пакет. Учитывая, какое количество поклажи тащила на себе добытчица, немудрено, что один из трофеев выпал из ее рук у шлагбаума парковки.

– О! – Алиса взяла у парня пакет и жадно всмотрелась в молодое, румяное лицо. Она мгновенно оценила все достоинства юноши – поджарую фигуру, пушистые ресницы, большой губастый рот. – Даже не представляю, как это...

Выразить благодарность и одновременно предложить парню продолжить случайное знакомство Алиса не успела, ее фраза оборвалась на полуслове. Парень кивнул и так же стремительно умчался обратно. Разочарованная охотница поморщилась. Кто, кто утолит ее голод?

...Каждый новый год, записываемый в историю Алисиных отношений с Геннадием Боровиковым, характеризовался планомерным снижением количества половых актов – в соответствии с убывающими возможностями партнера. Пятидесятилетнего вице-губернатора, вероятно, мало заботили проблемы неудовлетворенной любовницы. Кроме Алисы, у Геннадия Климовича на балансе была целая область, ежедневно он решал глобальные вопросы бизнеса и политики. А вечно голодную Алису, отметившую в этом году тридцатилетие, начинало колотить электричеством при виде симпатичных, молодых самцов.

На заре их романтической связи Боровиков навещался к красотке любовнице ежедневно и брал ее во все командировки. Теперь, спустя десять лет, он «отмечал» территорию не чаще одного раза в месяц, причем его прогрессирующая мягкость и кратковременность скорее бесили, нежели радовали подругу. Алиса мечтала об остром, сильном, обжигающем сексе. В ее дневных эротических грезах, которые порой приобретали изматывающий и навязчивый характер, фигурировало садомазохистское оборудование, а гипотетический партнер наотмашь хлестал ее по щекам.

А что мог предложить Геннадий Климович? Новую иномарку. На стоянке рядом с домом поселилась серебристая «тойота-камри».

Однако другие ипостаси Геннадия Климовича оставались неизменными. Как и прежде, он был властным, авторитетным, непререкаемым. Опасен в роли врага, коварен в роли друга. Он умел подавлять, очаровывать, пугать и широко практиковал духовный канибализм.

Об их многолетней связи знал весь город, область, знала, естественно, боровиковская жена. Эта лицемерная змея, встречаясь с Алисой в фешенебельных магазинах, радовалась ей, как дорогому члену семьи. На светских раутах она надевала маску скорбной Хиллари. Взрослым детям плакалась, как измучило ее предательство отца. Перед Геннадием Климовичем разыгрывала роль верного друга и преданного соратника и потихоньку стригла бонусы за свое всепонимание и долготерпение.

Когда Алисе впервые пришла в голову мысль о параллельном любовнике, она от ужаса покрылась испариной. А если Боровиков узнает? Страшно представить.

Но, возникнув однажды, идея завести фаворита, мускулистого, агрессивного и неутомимого, уже не покидала Алису.

К несчастью, сразу же вырисовывалось целое созвездие проблем. Подцепить любовника в общественном месте было маловероятно. Экипировка Алисы и ее манера поведения отпугивали потенциальных партнеров. Она предпочитала наряды, сравнимые по стоимости с городским бюджетом, и двигалась по улице походкой разомлевшей на солнце тигрицы. Конечно, никто не решался подойти к ней.

В привычном кругу общения найти секс-друга было вовсе нереально ввиду ее социального статуса. Посягнуть на святое – любовницу самого Боровикова – означало уравнивать себя по продолжительности жизни с шахидом.

Оставались ночные клубы, оснащенные *intim-room*. Случайные партнеры, быстрый секс. Перед каждой ночной вылазкой Алиса полностью меняла внешность, чтобы избежать узнавания. Она играла роль то белокурого ангела, то рыжеволосой бестии. Лихорадочное удовольствие, полученное в приватной комнате ночного клуба, было неполноценно и приносило лишь кратковременное облегчение. О, как бы ей хотелось обзавестись постоянным и безотказным Властелином оргазма! Неужели ее желание преступно?..

...К супермаркету Алиса подъехала погруженная в мрачные думы. Она двигала тележку вдоль рядов и предавалась невеселым размышлениям. У полок с консервированными овощами она утвердилась в мысли, что давно разлюбила Боровикова. В макаронных рядах поняла, что жизнь надо менять. У витрины с мясными деликатесами вообразила себя на кубинском пляже: одинокая светлокочная девушка в тигровом купальнике, а вокруг – стаи ненасытных мулатов.

Заехав в шоколадный отсек, Алиса вскрыла следующий, более глубокий геологический пласт своих мироощущений. Но тут она заметила, что толкает перед собой чужую тележку.

– Пойдите! – громко возмутилась она. – Это не мое!

В тележке теснились упаковки пива, пакет с креветками, бутылка французского коньяка. Где черный хлеб с отрубями, обезжиренный йогурт, шпинат, дикий рис?

Алиса догнала парня, который произвел подмену. Тот как раз разглядывал пакет со шпинатом, удивляясь преобразению креветок. Уже со спины он ей понравился: короткая кожаная куртка трещала на широких плечах, а джинсы – на узких бедрах.

– Какая глупая шутка! – обвинила мужчину Алиса.

Он обернулся, оторвал взгляд от пресловутого шпината, неторопливо и нагло осмотрел с головы до ног рассерженную даму и сказал «вау!». У него были смеющиеся глаза и ямочки на щеках.

Мужчине было немного за тридцать. На висках пробивалась ранняя седина, и это интриговало. Парень искрился радостной энергией искателя приключений. Он вновь жадно оглядел Алису и едва не облизнулся. Откровенное восхищение в глазах парня извиняло его хамскую беззастенчивость. Впрочем, беззастенчивость мужчины мало волновала Алису. Она оглядела объект не менее пристально.

– Мое пиво! – обрадовался парень.

– Верните рис, – строго приказала Алиса. У нее бешено колотилось сердце, она боялась спугнуть добычу.

– «Дикий», – прочитал незнакомец. – Кусается, что ли?

– Отдайте!

Алиса попыталась отобрать у мужчины свой ужин, но тот не отдавал.

– Давайте приручать его вместе? – предложил он. – Меня зовут Матвей. Матвей Петрович Столярков. А вас?

– Алиса.

– Чудесно. Вы замужем?

– А вам какое дело? Нет, не замужем.

– И я не замужем. Алиса... Давайте я стану вашей страной чудес?

– А вы не слишком самоуверены?

– Поверьте, моя самоуверенность имеет под собой прочную основу. В более интимной обстановке я готов ознакомить вас с моей безупречной аргументацией.

Алиса смерила парня недоверчивым и придиричивым взглядом, и это распалило противника. Он безумно ей нравился.

– Что ж. Я согласна. Вы на машине?

– Да. С шашечками.

– Значит, без?

– Я только вчера прилетел в ваш город и еще не успел обзавестись машиной.

– Тогда поедem на моей.

Алиса подумала, что ей придется предельно сосредоточить внимание на управлении автомобилем, чтобы не растерзать этого очаровательного нахала прямо в салоне «рено».

– Лучше бы ты пустила меня за руль, – жалобно произнесла Аполлинария.

– Ничего, мы почти выбрались из города. И даже не нанесли особого урона городской архитектуре, – бодро ответила Маша.

Черный «ниссан-патрол» миновал пост ГАИ и полетел по трассе в направлении аэропорта. Ехать по прямой было уже не так страшно. Аполлинария мысленно себя поздравила. Манера езды, практикуемая Марией, предполагала наличие у пассажиров крепких нервов.

– Хочешь, я съезжу в «Серебряные ключи», пока тебя не будет? Проведаю Николашу.

– Не надо! Я ведь быстро.

– И я быстро. Как же он там один?

Полина летела в Мюнхен на два дня. Знакомая из турфирмы пристроила ее в группу менеджеров, разрабатывающих маршруты европейских путевок. Таким образом удалось сэкономить на билетах. В Мюнхенской кардиологической клинике ее ждали Анна Келлер и врачи. Нужно было утрясти финансовую сторону вопроса и договориться о точной дате операции.

– Ты уже перевела им деньги?

– Пока нет. Проклятый доллар падает, я уже потеряла несколько тысяч из-за разницы в курсах!

– Кошмар. Смотри, какая маленькая у нас планета! Президент США отдает приказ бомбить Ирак, а русский мальчик Николаша Ефимов испытывает на себе последствия его решения. Из-за войны в Ираке дешевеет доллар, собранная тобой сумма тает, и вашу операцию могут отложить. Но мы, конечно, этого не допустим. Вот, держи! Пламенный привет от рекламодателей.

Маша придержала руль коленом и достала из сумки маленький сверток. Джип рванул на встречную полосу. Голубая «Волга» бешено засигналила, но, извернувшись, избежала столкновения с черной машиной.

– О боже! – прошептала Полина. И закричала: – Маша!! Операция не состоится не из-за войны в Ираке, а из-за того, что я погибну в автокатастрофе! Маша!!! Держи руль!

– Держу, держу! Все в порядке. Возьми деньги.

Кроме разработки программного обеспечения для различных фирм девушки стригли купоны с баннерной рекламы, публикуемой на их сайте. Сайт пользовался популярностью, так как его посетителям предлагались для скачивания различные полезные в хозяйстве программы.

– Ты мне платишь больше, чем я заслуживаю, – смутилась Полина.

– Глупости. Твоя доля.

– У тебя есть на кого тратить деньги.

– Нет, не напоминай мне о детях! – взмолилась Мария.

Дети не переставали радовать мамашу. В садике полыхала скарлатина, но близнецов судьба обделила: им почему-то не удалось обзавестись модным заболеванием. Поэтому Леша и Антоша всю ночь фломастером рисовали на себе красную сыпь. Не забыли и о младшем брате. Эдик тоже безумно похорошел. Утром Марию хватил удар.

– Я мечтаю услышать от тебя, что операция прошла успешно. Какой это будет праздник! Какое счастье!

Полина сникла. Она, несомненно, мечтала о том же. Мария сразу заметила, как изменилась в лице подруга.

– Не грусти. Я тебя развлеку. Представь: у меня климакс.

– Ты с ума сошла! – прыснула Полина.

– Однозначно. Наблюдается катастрофический сбой в цикле. Уже несколько месяцев я не покупаю тампоны. Меня бросает то в жар, то в холод. Я потею, как морская свинка. У меня взбесилось сердце: сто ударов в минуту – теперь обычный ритм. И я все время хочу есть!

– Да ты беременна! – закричала Полина.

– Ужас какой! Не шути так. Уж лучше климакс. С чего мне быть беременной? Я в разводе.

– Но ты же занимаешься сексом с Ильей?

– Ну и что? Мы пользуемся презервативами, и к тому же я пью контрацептивы. Как его? «Мерсилайн». Поэтому наш секс так же непродуктивен, как попытки Госдумы сократить расходы на собственное содержание.

– Но ведь все признаки налицо!

– Не смей меня! Я два раза была беременной и прекрасно знаю, что это такое. Я бы сразу поняла.

– Говорю тебе, как человек, компетентный в медицинских вопросах. Ты беременна!

– Не может быть! А когда это вы, профессор, обзавелись медицинским образованием?

– За шесть лет моих мытарств. Спроси меня о пороках сердца. Врожденные, приобретенные. Синего и бледного типа. Со сбросом крови слева направо, со сбросом крови справа налево. Коарктация аорты, стеноз легочной артерии, тетрада Фалло, транспозиция аорты, предсердно-желудочковая коммуникация, аномальный дренаж легочных вен...

Мария заворожено вслушивалась в звучание медицинских терминов.

– Пока Николаша жил дома, к нам даже «скорая» не приезжала, – вздохнула Полина.

– Как?!

– Вот так. И вызывать бесполезно. Они знают, что по этому адресу – ребенок с пороком. Прямо, конечно, не отказывают. Но тянут до последнего. «Ну что вы звоните каждые пятнадцать минут, мамочка! Педиатрическая бригада на выезде. Ждите!» А медсестра мне сказала однажды: «Пока возимся тут с вашим сдыхликом, к нормальному ребенку не успеем. Ваш-то заморыш все равно умрет». Маша? Маша, ау! Ладно, давай выходи из комы.

Мария подавленно молчала. Она смотрела на дорогу, на черный изгиб шоссе в коридоре сосен. Она-то думала, что знает все о Полининых страданиях. Оказывается, ошибалась. Маша сравнивала себя с Полиной, и ей было бесконечно стыдно. Иногда, коротая ночи не у компьютера, как ей хотелось бы, а у постели раскаленного ангиной ребенка, она смела роптать на судьбу. Кто дал ей такое право? Она должна была каждый день благодарить Бога за подаренное счастье.

В Мюнхене Аполлинарию встречала фрау Келлер. Удивительно, но насколько одни люди черство относились к Полининой беде, настолько другие принимали ее близко к сердцу.

Они встретились с фрау Келлер впервые после трех месяцев электронной переписки, но обнялись, как родные люди. Анна отлично говорила по-русски. Сотрудница кардиоцентра сразу прониклась сочувствием к Николаше и взяла на себя функции организатора.

– Дайте на вас посмотреть, Полина! Да вы настоящая русская красавица! Привезли анализы, снимки? – тараторила фрау, схватив дорожную сумку Аполлинарии в одну руку и руку спутницы – в другую. – Идемте, Полина, идемте. Там мое авто. Как себя чувствует Николаша? У меня сюрприз! Руководство нашей клиники решило пойти вам и мне навстречу. Операция будет сделана Николаше за половину стоимости. Вы оплатите только материалы и использование оборудования. Реабилитационный период, палата – тоже за половину стоимости. Вы сами будете жить у меня. Мой дом в пятнадцати минутах езды от клиники. Таким образом... секундошку... – Анна достала из кармана лист бумаги со сложными математическими выкладками. – Таким образом, Полина, мы значительно сократили необходимую сумму. Как я рада! Полина! Что с вами? Почему вы плачете?!

Аполлинария рыдала, вытирая кулаком слезы. Носовой платок куда-то запропастился. Никогда в жизни она не позволяла себе так распускаться! В самые трудные минуты ее железный характер и гордость приказывали ей оставаться безразлично-спокойной.

– Полина! Вы что?

– Если бы вы знали, чего мне стоило собрать эти деньги!

Фрау Келлер посмотрела на зареванную гостью:

– Вы не зря их собирали. Они вам пригодятся. Операция – не окончание лечения, а только начало. Нет, разве плохо, что мы сумели сэкономить?

– Конечно хорошо. Спасибо вам огромное, – всхлипнула Аполлинария.

Если бы фрау Келлер знала! Каждая единица валюты на Полинином счете имела историю, достойную сценария мексиканского сериала. Каждый доллар или евро обладали стоимостью, несравнимой с их номиналом. За все Полина заплатила нервами, чувством униженности и бессилия в одном случае (когда ей кидали подачку) или чувством горячей благодарности в другом (когда ей отдавали последнее). И первое, и второе являлось одинаково сильным испытанием для психики.

«Я душу дьяволу продала за эти деньги», – подумала Аполлинария.

Глава 4

Перламутрово-синий автомобиль летел по Западному шоссе в сторону города, обгоняя попутные машины и уверенно маневрируя. Девушка за рулем была отличным водителем. Но вскоре Вике пришлось съехать на обочину и остановить автомобиль. С ней вновь происходило что-то странное.

Мокрое черное шоссе внезапно превратилось в шелковую ленту, и эта лента стала сворачиваться в клубок. Сосны вокруг дороги начали бешено раскачиваться, стемнело, с неба посыпались увесистые черные шары для боулинга – они разбивались об асфальт и разлетались во все стороны белыми искрами. Вдали маячили ослепительные огни. Они приближались, и их приближение сопровождалось невероятным шумом, адским грохотом. Что-то огромное, страшное, чавкающее надвигалось на Викторию...

...держи... какая сильная... марк, руки... не надо... заднее сиденье... ковбой... дыши... не хватит... ковбой... ты что... привязать... нет... Вика, открой глаза... она не слышит... сделай...

– Нет! – крикнула Вика. Она помотала головой, стряхивая наваждение.

Лента шоссе послушно расправилась и ровной полосой улеглась между соснами. Как и прежде, проносились мимо автомобили, забрызганные весенней грязью.

– Кажется, я схожу с ума, – сказала Виктория. – Вроде бы это не входило в мои планы. Что же я?

Несколько минут она моргала в принудительном режиме, прогоняя мушек, резвившихся перед глазами. Когда мушки исчезли и осталась только дикая головная боль, Вика завела мотор. Надо было ехать.

– Теперь я Алиса Горностай, – рассуждала Виктория, вновь подгоняя автомобиль в сторону города. Она приоткрыла окно, и ледяной ветер оказывал ей услуги анестезиолога. Ломота во всем теле проходила, голова постепенно расставалась с гулом и шумом, ее наполнявшими. – Кто-то премило пошутил со мной. Что ж! Я благодарна этому таинственному фокуснику. В любом случае, когда настоящая Алиса Горностай решит забрать у меня автомобиль, одежду и сапоги – сапоги, кстати, хлюпают, они мне велики – она оставит мне мои новые бивни. Челюсти великолепны! К сожалению, моей прекрасной шевелюры уже не вернуть. Как на днях сказал Феликс, наш менеджер? Вика, у тебя волосы цвета золотистой пшеницы! А что он скажет теперь? Вика, ты ошипанная черная курица. Да, именно так он и скажет. Но и в новой прическе есть свои плюсы: меня перестанут априори считать тупой блондинкой... Итак, объясните, что со мной все-таки произошло?

Вопрос повис в воздухе. Виктория попыталась включить обратную перемотку, но череду воспоминаний упорно заклинивало в одной точке: болезненное пробуждение в незнакомом автомобиле. Далее начиналось непостижимое – мелькание разноцветных огней, вой, скрежет, чернильная темнота, звуки бубна, затишье, вновь хоровод ослепительных вспышек... Никаким усилием воли не удавалось преодолеть омут, наполненный вязкой тиной беспамятства и улюлюканьем маленьких чертят.

Да, события субботней ночи испарились из Викиной памяти. Зато она отлично помнила субботнее утро. Виктория четко и ясно увидела себя в снимаемой квартире на Дебютной улице. Она стояла в neglige у распахнутого шкафа и мучительно соображала, что надеть. Выбор был невелик – джинсы, блузка, платье. Вика словно была папуасом, задумчиво выбирающим одну из двух набедренных повязок. Лаконичность ее гардероба конкурировала с его убогостью. В автосалоне ее спасением была униформа.

До субботы была совершенно свободная пятница, так как в четверг Виктория спланировала ребенка за город, к Нине Григорьевне. В садике взялись модернизировать кухню, и Виктория

столкнулась с проблемой непристроенного ребенка. Хорошо, что в деревне жила энергичная, моторная двоюродная бабуля, всегда готовая приютить правнука...

– Почему в субботу я так напряженно думала, что надеть? Куда я собиралась пойти? И где провела ночь?

Мысли, терзавшие извилины, только усилили головную боль, не добавив ясности в ситуацию. Виктория не сдавалась. Она пыталась оправдать новый цвет волос, словно, преобразившись из пшеничной блондинки в эффектную брюнетку, она автоматически повысила свой интеллектуальный коэффициент.

– Ну надо же, какая пробка в сонный выходной, – пробормотала Вика, притормозив на шумном перекрестке.

Обычно в воскресные дни городские улицы не были такими оживленными – особенность населенного пункта, уже выбившегося из разряда «таун», но не достигшего размеров «сити». Очередь к «зеленому» светофору занимала полквартала – словно на перекрестке раздавали бесплатные талоны на фотоэпиляцию.

Сосед слева делал настойчивые знаки, требуя опустить стекло. Виктория откликнулась на его немые гримасы.

– А?

– Поужинаем сегодня вместе?

– Вы с ума сошли! – возмутилась Вика. И уползла на метр вперед, к заветной цели – месту рассасывания пробочной метастазы.

Прежде чем соглашаться на ужин с незнакомцем, было бы неплохо разобраться с незнакомкой, которая сейчас сидела за рулем «рено», – то есть с ней самой. И подождать, пока ее перестанет терзать головная боль.

Отвергнутый попутчик предался унынию, не в силах понять, почему ему отказали столь решительно.

– Я что, такой страшный? – поинтересовался он, догнав «рено».

– Почему?

– А почему вы мне отказали?

– Потому что сегодня мне не до ужина. Лучше объясните, куда все едут? Почему такая пробка? Почему людям не сидится дома?

– Так ведь рабочий день!

– Seriously?

– Понедельник, если вы забыли.

– Понедельник?! – закричала Вика. – Сегодня воскресенье!!!

– Приятно было познакомиться, – быстро промямлил попутчик, закрыл стекло и рванул к перекрестку, благо дорога немного освободилась.

– Какой пассаж! – громко изумилась Вика. – Понедельник! Значит, не только субботняя ночь, но и воскресная улетучилась из моей памяти! Целую бездну времени я провела неизвестно где, неизвестно с кем и неизвестно в какой позе. Какая трагедия! Мне пора подумать о моем моральном облике.

Через полчаса Виктория сидела в холле отделения милиции. Наверное, она сделала совсем неутешительные выводы насчет своего морального облика, раз тут же пошла сдаваться. Или она решила, что провела достаточно времени в роли Алисы Горностаев, и пора заканчивать маскарад? Очевидно, Виктория еще очень плохо соображала больной головой, если решила возложить на милицию решение своей мистической загадки.

Сначала Вика сунулась в окошечко, прорубленное в оргстекле и украшенное красной надписью «Дежурная часть». Но у ребят в серо-синей форме, как и следовало ожидать, и без нее хватало забот.

– Посидите там, – кивнул ей молодой милиционер.

Вика опустилась на скамью рядом с дамой в плаще и вязаном берете и закинула ногу на ногу. В ее суперкороткой юбке сидеть иначе было невозможно, любая другая поза бросала вызов общественной морали.

Женщина в берете не могла оторвать глаз от бирюзового кожаного плаща соседки и от серебристых змей на ее колготках. Скатавшееся вязаное изделие на голове дамы явно не соответствовало атмосферным условиям последней недели апреля.

– У вас-то какие проблемы? – грустно осведомилась женщина.

Действительно, разве возможны какие-то проблемы у такой респектабельной и гламурной особы?

Вика развернулась к вязаному берету. Дамочка тут же ошетибилась. Ей показалось, что соседка смотрит на нее презрительным и спесивым взглядом аристократки, не желающей контактировать с плебсом. Но она ошиблась. Виктория никогда не отличалась снобизмом или высокомерием, даже в тот период жизни, когда она купалась в роскоши и летала на выходные в Париж и Милан за покупками.

Бирюзовая нимфа с готовностью стала объяснять, в какую переделку попала.

– Понимаете, меня зовут Викой Коробкиной. А паспорт... Полюбуйтесь!

Грустная дама в берете взяла документ и внимательно его изучила.

– Алиса Горностай, – прочитала она. – Но это ваш паспорт.

– Нет, я Вика Коробкина.

Дама покачала головой:

– Чем вас не устраивает Алиса Горностай? Очень эффектное имя.

– Но я Виктория Коробкина!

– Алиса Горностай звучит гораздо интереснее какой-то Коробкиной!

– Я не Алиса Горностай!

Женщина пожала плечами. У нее на лбу загорелось футбольное табло с яркой надписью: «С жиру вы беситесь».

И тут Виктория ясно представила, как сейчас она начнет объяснять отряду милиционеров, что у нее чужой паспорт, чужие права на машину, чужая машина, чужая одежда. Что у нее болит голова, зубы, ломит все кости.

Действия милиционеров? Или послать чокнутую на три буквы. Или взять пробы на алкоголь и наркотики. Или проверить, не висит ли на пресловутой Алисе Горностай пара-тройка теплых трупов...

Не успела Виктория покрыться липким потом при мысли о трупах, как случилось новое испытание для ее нервов. Что-то вдруг загудело, завибрировало на скамейке около Викиного бедра. Девушка испуганно подскочила и увидела серебристую сумочку, превратившуюся в живое существо. Сумка тряслась мелкой дрожью, как от холода.

Вика взяла ее на руки и погладила, пытаясь успокоить. Дама в берете посмотрела на девушку с жалостью, будто на умалишенную.

– Телефон достаньте, – посоветовала она.

– Телефон! – обрадовалась Вика. – Как я не догадалась!

И верно, нетипичное поведение сумки было спровоцировано именно мобильным телефоном. Аппарат вибрировал и надрывно гудел, привлекая внимание хозяйки.

– Оу, сколько непринятых звонков! – удивилась Виктория. Она разглядывала дисплей. – Алло?

– Что ты делаешь? – прозвучал в трубке чей-то недовольный голос. – Перестань суетиться!

Виктория быстро захлопнула крышку мобильного и оглянулась.

– Знаете, вы правы, – сказала она даме. – Наверное, не стоит грузить наши правоохранительные органы подобными глупостями!

Виктория потерла виски пальцами. В глазах опять мельтешили разноцветные огни, в голове гремела музыка и били тамтамы. Виктория устремила к выходу.

– Да, я едва все не испортила! – сказала она. – Сейчас бы меня законопатили в камеру. Посадили в «обезьянник». Мне это надо? Нет, не надо. Но кто звонил? Странно... Голос кажется мне знакомым... Или звонок предназначался не мне, а Алисе? Мобильник-то ее...

Автоматически перейдя после развода в разряд «бывшей», свекровь Маши, однако, сохранила полноценный статус бабушки троих здоровякинских пацанов, а значит, оставила за собой право наносить визиты. Ирак менее въедливо инспектировался на предмет ядерного оружия, чем Машина квартира – на предмет соблюдения санитарных норм для успешного взращивания малюток.

Когда-то Мария прочитала трактат Сунь-цзы «Искусство войны», но ей не всегда удавалось избежать ловушек, умело расставляемых дорогой родственницей. Та, кстати, о Сунь-цзы и не слышала, однако была от природы искусным стратегом.

Увидев в дверной глазок бесценный лик мадам Здоровякиной, Мария сказала себе: «Я спокойна. Я улыбаюсь!» – и распахнула дверь. Визит свекрови нужно было просто пережить. Советский резидент в глубоком тылу врага испытывал такое же нечеловеческое напряжение душевных сил.

– Здравствуй, Маша! Как плохо ты выглядишь. Опять всю ночь сидела у компьютера и пила кофе? Какой у тебя бардак! – для разминки швырнула гранату Раиса Андреевна.

– Здравствуйте, мама, – мужественно улыбаясь, выдавила Мария.

Неудовлетворенная ответом, свекровь пальнула из гранатомета:

– Игрушки валяются, ноги ломаешь! А когда ты последний раз пылесосила? Дети дышат пылью. У них разовьется бронхиальная астма!

– Несомненно, разовьется, – с готовностью согласилась Мария, напоминая себе о том, что основное условие развития диалога – отрицание. И чтобы не увязнуть в агрессивной перепалке с бесценным существом, надо соглашаться, соглашаться, соглашаться. – Как раз на сегодня я запланировала генеральную уборку!

– Что-то не верится. Маша, мне надо с тобой серьезно поговорить!

Маша не сумела подавить отчаянный вздох. Душеспасительные беседы практиковались свекровью с жестокой регулярностью.

– Хватит уже заниматься глупостями! Вам нужно жить вместе. Посмотри на Илюшу! Он страдает, он осунулся!

– Я тоже страдала, когда он изменял мне с Настасьей! – воскликнула было Мария, но осеклась. Подобное заявление вызвало бы целый шквал упреков в злопамятстве, неумении прощать и даже недостаточной сексапильности – «не удержала мужа, сама виновата!».

– Илья вовсе не страдает! – пришел на ум Маше другой ответ. Но и этот вариант был не верным. Сейчас свекровь скажет, что Мария бездушна, раз не замечает мучений бедного паренька.

– Да, вы правы, – кротко ответила наконец Мария. – Илюша очень восприимчив и раним. Нам нужно жить вместе. Да мы и живем. Буквально на днях мы шикарно потра... ой, извините... я не то хотела сказать... посмотрели телевизор всей семьей.

– Тем более пора съезжаться! Дети от этого только выиграют. Ты ведь и ужин забываешь им приготовить!

(Неправильная реакция: «Никогда не забываю!», «Им и без ужина хорошо!», «Мои дети – что хочу, то и делаю!»)

– Да, это ужасно, мама, – лицемерно вздохнула Маша. – Иногда так заработаюсь... Совершенно вылетает из головы. А как они любят ваш борщ!

Свекровь сварила любимым внукам борщ. Она грохотала на кухне, возмущаясь неправильной расстановкой мебели и кастрюль, проклиная картофельные глазки – «покупаешь тухлую гадость в супермаркете, вместо того чтобы доехать до рынка и купить отличную картошку и в два раза дешевле!» (картофель привез Илья).

Напоследок добрая волшебница демонстративно вымыла посуду и плиту, и Маша, естественно, ощутила себя неблагодарной свиньей. Напрасно она пыталась убедить свекровь, что для подобных энергоемких процедур она приспособила студентку из соседнего подъезда. «Тебе бы только деньги тратить!» – отрезала Раиса Андреевна...

Ободренная плодотворным общением, Мария приступила к работе. Сегодня Илья предложил взять детей к себе – он обитал в квартире Валдаева. Уничтожив пятилитровую кастрюлю борща, мужчины испарились. Перспектива бессонной ночи, с компьютером, кофе, пирожными и гамбургерами, безумно радовала Машу.

Она и не представляла себе, что доверчиво угодила в западню, подстроенную Ильей! Увидев пару раз рядом с женой импозантного Яна Вепрецкого, Здоровякин практически тронулся умом. Мария вошла в порочную связь с сотрудником финансового управления, понял Илья. Она изменяет! И поэтому, с целью сбора улики, Илюша организовал Марии ночной выходной.

Разложив для детей валдаевский диван, вручив им пульты от телевизора, видео и музыкального центра, Илья смылся из квартиры. Он занял наблюдательный пост около дома, где корпела у компьютера Маша. После того как из-за бизнесмена Лабругина семья лишилась просторной квартиры в элитном доме на Первомайской улице, приходилось ютиться в «двушке».

Как назло, именно в этот вечер Ян Вепрецкий позвонил программистке и сказал, что у него накопилась целая пачка материалов, требующих обработки и присовокупления к остальному массиву данных. И Маша, не подозревая о коварстве бывшего супруга – Илья сейчас сидел в кустах возле дома, развесив уши и выпучив глаза, – сказала: «Завезите мне их».

В восемь вечера элегантный и безупречный Ян Николаевич нарисовался в дверном проеме. Мария успела сменить старую здоровякинскую футболку на длинное платье без рукавов, вымыть голову, почистить зубы. Она почему-то волновалась.

– Сколько у вас игрушек, – удивился Ян, в первый раз споткнувшись о военный джип.

– О, это племянников, – нагло соврала Мария и отодвинула «Хаммер» ногой. – Были сегодня у меня в гостях...

Ничто так не прибавляет женщине лет, как лишние килограммы и наличие детей. С первым пунктом у Маши все было в порядке. Пять – десять новых килограммов только украсили бы ее внешность. С детьми она вылетала в аут.

В зоопарке, пока пацаны доводили до инфаркта мишку, а Мария живописно сосала чупа-чупс, некоторые мужчины пытались познакомиться с хорошенькой худосочной девицей. Свободная, разведенная, Маша ласково им улыбалась. Но не успевала завязаться беседа, как галдящая, круглоглазая, вооруженная до зубов палками, луками, стрелами компания возвращалась к маме.

– Это ваши? – с душевным трепетом осведомлялся поклонник.

– Боже упаси! – откровенно врала Мария. – Я няня!

И зажимала рот маленькому Эдику, который произносил слово «мама» не менее семи тысяч раз в сутки.

– Мама, ты что? – возмущались дети.

– У нас игра, – улыбалась Мария кавалеру. – Я типа мама. Они типа дети. Так, детки, все идут смотреть жирафа. Быстренько! Пошевеливаемся!

Кроме того, Мария щедро одалживала вредоносных микробов бездетным знакомым.

– Возьмите, например, Эдика, – страстно агитировала она. – Попробуйте себя в роли родителей. Потренируйтесь. Вам понравится, я уверена.

Эдик дожидался решения приемных родителей, скромно опустив полуметровые ресницы и надув алым сердечком губы. Внешне он походил на ангела. Между его правой ляжкой и диваном покоилось десятисантиметровое грязное шило, украдкой пронесенное с улицы в дом. Он размышлял, каким образом незаметно спрятать инструмент в коробке с «Лего». Его меланхоличность вводила в заблуждение.

– Берете?

– Берем! – наконец-то соглашались друзья.

– На субботу – воскресенье, – быстро добавляла Мария.

Эдика возвращали через три часа. «Мама» была покрыта розовыми нервными пятнами, у почти седого «папаши» дергались веко, щека и скальп.

– Наверное, мы еще не готовы к роли родителей, – оправдывались несчастные...

Но Мария не сдавалась. Она грузила детей в «ниссан» и везла их за город, к свекрови.

– Внуки соскучились, – нагло заявляла программистка. – Пусть они побудут у вас денек-другой. Я пыталась предупредить, но у вас не работал телефон. Сейчас достану из багажника продуктовый паек.

И выгружала четыре огромные коробки, тонко намекая, что выражение «денек-другой» – всего лишь изящная литота, а понимать ее надо как «пару неделек». Надо признаться, Илюшина мама «съедала» у Маши столько же нервных клеток нотациями и нравоучениями, сколько дарила взамен свободного времени, периодически избавляя от детей.

А когда спихнуть короедов было совсем уж некому, когда от милых выходок потомства Марию начинало трясти, она вспоминала о Полине и понимала, что веселые, энергичные, изобретательные дети – это огромное счастье...

– Проходите, – пригласила Маша Вепрецкого. – Выпьете кофе?

Кофе соблазнил Яна Николаевича. Или его соблазнила точеная Машина фигура под скользким шелком платья?

По дороге в гостиную (которая конечно же была не гостиной, а всем сразу: залом-спальней-кабинетом) Вепрецкий попытался убиться еще раз три, а в довершение сел на ежика-фыркалку, чем очень напомнил Маше Здоровякина. Тот обожал посидеть на предметах, не приспособленных для этого. У Марии защемило сердце. Она почему-то некстати подумала, что предает Здоровякина, принимая в пустой квартире почти незнакомого мужчину. Вепрецкий нравился ей безумно. Но последний секс с Илюшей был блистателен. Душа Марии металась, как бразильский форвард по футбольному полю.

Милая программистка, насмотревшись сериала «Секс в большом городе», поняла, что отстала от жизни. Ну, если не от жизни, то от героинь сериала точно. Блондинка Саманта, богиня оральных забав (пиара и минета), меняла мужчин чаще, чем ежедневные прокладки. Рыжеволосая Миранда (уважаемый юрист) насчитала более сорока сексуальных партнеров, а затем сбилась со счета. И даже скромница Шарлотт меняла комплектацию кровати каждую третью серию.

Мария была шокирована и морально растоптана: за неполных двадцать девять лет она обзавелась лишь одним партнером. Нетрудно угадать его имя из четырех букв, начинается на «и».

– Я вам кое-что объясню. – Ян ухнул на диван пачку документов. – Садитесь поближе.

Мария поскорее пристроила на столе чашку растворимого кофе – она боялась пролить, так как у нее дрожали пальцы.

– О, как пахнет, – кивнул Вепрецкий. Или не хотел обидеть хозяйку, или просто не болел снобизмом и потому не знал, что растворимый кофе – жуткая гадость.

Объяснения Яна Николаевича были энергичными, туалетная вода – бесподобной, пальцы – сильными, твердый подбородок – гладковыбритым... «Странно, – подумала Мария. – Среднестатистический мужчина к этому времени суток обычно вновь зарастает щетиной. Неужели он побрился перед встречей со мной?»

– Вы меня не слушаете, Маша, – заметил Вепрецкий.

– Я все поняла, – возразила Мария. – Мы отправим в отдельный ресурс средства, выделяемые администрацией на реализацию целевых программ, и разнесем по окнам источники финансирования – федеральный, областной, городской бюджеты. Я все сделаю.

Ян Николаевич посмотрел на Машу с уважением.

– Я думал, вы витаете в облаках. Собрался повторять заново.

– Зачем повторять, – улыбнулась Мария. – Я довольно сообразительна.

– И потрясюще сексапильна!

Маша зарделась. Ее никогда не называли красавицей, да она бы и сама не поверила. Но с эпитетом «сексапильна» было гораздо легче согласиться – ведь мужчине конечно же виднее, как реагирует его физиология на внешность дамы.

Вепрецкий накрыл ладонью ручку Марии. Та окончательно залилась румянцем. Ее пальцы были испачканы зеленкой. На днях Маша мазала коленку Эдику и в очередной раз убедилась в подлости «бриллиантовой зелени». Резиновые перчатки, респиратор и валенки мало помогли медсестре: к концу процедуры в зеленый цвет окрасились не только травмированная коленка, но и большая часть поверхностей кухни, а также восемьдесят процентов Машиного кожного покрова. Успел ли Вепрецкий заметить это, а еще и отсутствие маникюра?

– Если мы во всем разобрались, я пойду. Спасибо за кофе.

Вепрецкий поднялся с дивана. Он явно собрался уходить. В названном сериале мужчины так не поступали. Уж если они брали женщину за руку, то не отказывали себе и в остальных частях тела партнерши.

– Жена ждет? – изящно поинтересовалась Мария семейным положением Вепрецкого.

– Я не женат.

– Вау!

– Что «вау!»? – усмехнулся Ян. Он смотрел на Машу сверху вниз и разговаривал с ней покровительским тоном. – Вы живете здесь одна? Или с родителями?

– Ну, я... Нет, не с родителями.

Они стояли в прихожей. Мария вдруг ясно осознала, что Вепрецкий глубоко заблуждается насчет ее возраста и социального статуса. Естественно, он не представляет, что она – престарелая матрона с выводком шустрых термитов. Ей даже нечем было накрасить губы к его приходу – косметичку на днях разорил Эдик. С тремя губными помадами он обошелся, как Гоген: сочное панно «Красное солнце на фоне розового неба погружается в вишневое море» украсило стену детской комнаты.

– Маша... – улыбнулся Вепрецкий.

У Маши почему-то закружилась голова. Ян Николаевич сделал неуловимое движение, будто хотел придать программистку к стене. Она шарахнулась в сторону испуганной породистой лошадкой.

– Да что ж ты так пугаешься, – усмехнулся Ян. – Я всего лишь пытался завладеть плащом. Твоей невинности ничто не угрожает.

Машиной невинности на самом деле ничто не угрожало. Так как данное понятие относилось к далекому прошлому.

– Вовсе я не пугаюсь, – вспыхнула Мария. – Я вам позвоню. Когда программа будет готова.

– Или я тебе. Чтобы проконтролировать.

– Хорошо. Контролируйте.

И все-таки он не отпускал ее руку. Ну как понять мужчин? И как понять себя? Впервые после долгих лет верности Здоровякину Мария заинтересовалась кем-то другим.

Ян Николаевич притянул программистку к себе. Он запустил руку в ее волосы, здраво рассудив, что прическу он не погубит, по причине отсутствия таковой, заставил запрокинуть голову, прижался щекой к ее щеке и сказал на ухо:

– А не остаться ли мне для дополнительных разъяснений?

Маша не могла пошевелиться. Вепрецкий держал крепко, и от него пахло коктейлем различных умопомрачительных мужских запахов.

– Я думаю, имеет смысл, – обессиленно прошептала Маша.

Ян легко подхватил ее на руки, быстро, пока добыча не передумала, потащил в комнату и там бросил на диван.

– А!!! – закричала Маша, вытаскивая из-под себя пластмассовую машину.

– У тебя здесь опасно! – заметил Вепрецкий.

– Очень.

Ян придавил Марию к дивану. Он оказался гораздо тяжелее, чем она предполагала, но значительно легче Здоровякина. Черт, возмутилась Маша, никуда не деться от мыслей об Илье! Он незримо присутствовал в комнате и осуждающе взирал на парочку, упавшую на диван. Пятнадцать быстрых и горячих поцелуев в лицо, шею и грудь Маши заставили призрак Здоровякина поблекнуть, раствориться в пространстве.

И вот, когда Мария окончательно расслабилась и собралась пустить все на самотек, она в последний момент вспомнила, что две беременности оставили на ее плоском животе несколько перламутровых растяжек. Ей никак не удавалось найти время, чтобы отполировать их лазером.

Ужас охватил Машу. Чужой мужчина увидит ее несовершенство! Илью она ни капли не стеснялась, он был родным и привычным. Но Вепрецкий! Элегантный, безукоризненный, идеальный, он, несомненно, будет шокирован.

Маша резко дернулась, взбрыкнула и освободилась из плена. «Что я делаю?! – изумилась Мария. – Идиотка!» И она пришла в себя.

– Нет! – твердо сказала она Вепрецкому. – Не надо.

Если бы она сейчас достала из бюстгальтера алюминиевый ковшик и врезала им партнера по голове, Ян удивился бы меньше.

– Как – не надо?! Почему?!

– Мы погорячились, – объяснила Мария. – Не будем. Не надо. Я не готова.

– Я сейчас подготовлю, – пообещал Вепрецкий и опять устремился с поцелуями.

Марии пришлось отталкивать его от себя, оттаскивать чуть ли не за волосы.

– Да нет же! – сказала она. – Я морально не готова. Нет!

– Да в чем проблема?! – изумился Ян.

Маша взглянула на ситуацию его глазами. Вепрецкому было чему изумляться. Девушка, свободная, не обремененная узами брака и детьми, несколько недель проработала с ним в плотном тандеме, благосклонно выслушивала его тонкие намеки, мило улыбалась, не отодвигала руку или ногу, когда их тела вдруг случайно соприкасались. Прелюдия, достойная средневекового романа. Более длинная и замысловатая, чем того требуют современные правила любовных игр.

По мнению Вепрецкого, они с Машей давно обязаны были переспать. Где угодно – в квартире Маши, у него, в его машине, в гараже, на автостоянке, в туалете ресторана, в его рабочем кабинете. Они могли пригласить вторую пару и заняться сексом два на два. Они могли позвать Машину подругу и устроить лесбийский сеанс с последующим превращением дуэта в трио. Жизнь, полная веселья и удовольствий! Бесконечное утоление жажды плоти! Фейерверк! А вместо этого? Томные вздохи, детский румянец и в конце концов жестокий, непонятный отказ!

Да, Вепрецкий удивился и был прав. Но Маша не собиралась устранять его душевный и физический дискомфорт путем насилия над собственным достоинством. Она чувствовала – если сейчас уступит Яну, то потом будет долго мучиться и грызть себя, как ванильную сушку. Нет, она не будет спешить. А если Вепрецкому не нравится – скатертью дорога!

Но Ян Николаевич оказался на высоте. Он не попытался силой закончить виртуозно начатый этюд и не устроил скандал. И не надулся, как обиженный ребенок, взывая к сочувствию.

Ян Николаевич хладнокровно сполз с Маши и застегнул все, что уже успел расстегнуть.

– Ладно, – произнес он с очередной усмешкой, – женщина всегда вправе сказать «нет»!

Настал черед для Машиного удивления.

– Всегда-всегда? – уточнила она. – Даже если... это... ну, в общем, уже... и... Все равно?!

– Пришлось бы трудно, – вздохнул Вепрецкий. – Но что поделаешь. Нет так нет. Женщина, убил бы такую, имеет право передумать даже за пять секунд до высадки десанта сперматозоидов.

– Подозреваю, подобным образом рассуждает только два процента мужчин на планете. И из этих двух процентов одна треть – мазохисты, другая – импотенты.

– А еще одна?

– Настоящие джентльмены.

– Я не импотент и не мазохист. Да и на звание джентльмена не претендую. Однако не собираюсь принуждать женщину к тому, чего она не хочет.

«Славная тактика, – подумала Мария. – Сейчас, потрясенная его невиданным благородством, я сама попрошу Вепрецкого, чтобы он меня хм-хм».

Она проводила Вепрецкого обратно в прихожую. Он наконец-то облачился в свой плащ.

– До свидания, – сказала Маша. – Не сердитесь. Увидимся как-нибудь.

– А мы опять на «вы»? – спросил Ян.

– Я – да. А что? Думаю, наше кратковременное па-де-де на диване не дает повода для фамильярности.

– Как хочешь, ребенок, – улыбнулся Ян. – Чао.

И поскакал по лестнице совсем не как сорокалетний старикан, а молодым резвым скакуном.

«Ребенок! – умилилась Мария. – Он назвал меня ребенком... Нашел, тоже мне... Надо держаться от него подальше. Что-то я себе не нравлюсь. Совсем распустилась. Куда, блин, смотрит Здоровякин?»

Здоровякин в данный момент смотрел в сторону удаляющегося автомобиля Вепрецкого. Если Ян Николаевич был неудовлетворен, то его ощущения не шли ни в какое сравнение с неудовлетворенностью Здоровякина.

Илья хотел разворотить темно-зеленую пузатую «ауди» Вепрецкого – и не сделал этого. Он хотел измочалить отвратительного Машкиного ухажера – и не сделал этого. Он хотел ворваться в квартиру и залепить пощечину Марии – но ни за что на свете не сделал бы этого.

Инфаркт и язва – радостное будущее человека, позволяющего неутоленным желаниям разрывать его изнутри в клочья. Илюша примерился к осветительному столбу и попытался вырвать его из асфальта. Не получилось. Тогда он ухватил поперек деревянную скамейку на квадратных бетонных ногах и шарахнул ею о фонарный столб...

Глава 5

Глубоким вечером Виктория подъехала к дому на Дебютной улице, где они с Данилой снимали однокомнатную квартиру. Возможно, она сделала это автоматически. Потом так же заторможенно поднялась на свой этаж и попыталась найти в серебряной сумочке ключи. Ключей у нее не было.

– Как глупо! – поняла Вика. – Я не могу попасть в квартиру. Но как же хочется упасть на кровать и отрубиться! Я устала! И у меня все болит!

Внезапно дверь перед ней приоткрылась.

– Что вы тут возитесь? – недовольно спросила у нее женщина, оглядывая с ног до головы. – Что вам надо?

Виктория потеряла дар речи.

– Но это моя квартира! – воскликнула она. – Я снимаю ее за две тысячи в месяц.

– Какие глупости вы говорите, девушка! – сумрачно ответила женщина. – Я уже полгода снимаю эту квартиру. Причем за три тысячи.

Если минуту назад Виктория онемела от изумления, то сейчас она вообще впала в ступор.

– Что? – медленно произнесла она наконец. – Полгода? Но это... это... это невероятно! Я здесь живу! С сыном. Пустите, там мои вещи!

Женщина приготовилась грудью защищать частную собственность.

– Там нет никаких ваших вещей! – отрезала она. – Девушка, не нарывайтесь на конфликт. Вы, часом, не пьяны? А?

– Я не пьяна! – возмутилась Виктория. – Пустите, это моя квартира! Я вам сейчас все объясню!

– Где же ваш ключ?

Виктория попятилась. Да, ключа у нее не было.

– Я объясню!

– Не надо ничего объяснять. Идите отсюда, пока я не вызвала милицию! Да вы, наверное, домом ошиблись, или подъездом, или этажом. Девушка, милая, идите подобру-поздорову, а? Вечер уже, отдохнуть хочется.

– Извините, – пробормотала Вика. – Я просто не понимаю, что происходит.

– Я искренне вам сочувствую, – вздохнула женщина. Сникшая фигура интервентки внушила ей жалость. – Руку, пожалуйста, уберите, чтобы я вам, не дай бог, пальчики не придавила. Маникюр у вас какой шикарный...

И квартиросъемщица аккуратно прикрыла дверь. Щелкнул замок.

– Прекрасно! – вымолвила Виктория. – А мне куда идти?..

Вскоре она уже ехала в сторону улицы Кафки. Там жила собственница жилья.

– Здравствуйте, Тамара Никитична. Почему вы сдали мою квартиру? – выпалила она, едва увидев предательницу.

Тамара Никитична несколько минут молча вглядывалась в лицо девушки, вдумчиво изучала ее наряд.

– Вы, наверное, не туда попали, – выдавила в конце концов она.

– Тамара Никитична, вы что, с елки свалились? – настойчиво двинулась вперед Вика. – Это я, Виктория. Я у вас квартиру снимала четыре месяца. И вдруг вы меня выставили на улицу. Где мои вещи? И вообще, что за хамство так поступать с людьми!

Женщина отпрянула.

– Я вас не знаю! Что вам от меня нужно! – заволновалась она. – Не знаю я никакой Виктории! И вас вижу впервые! Уходите, иначе вызову милицию!

– Только что оттуда, – рывкнула Виктория. – Тамара Никитична, неужели вы меня не узнаете?

Квартиросдатчица скорчила страшную физиономию, означавшую «Отстаньте от меня» и захлопнула дверь.

– Какой кошмар! – прошептала Виктория. – Я схожу с ума. Я ее знаю, я четыре месяца отстегивала ей по две тысячи честно заработанных рублей! А она меня, видите ли, не знает!

Желание принять горячую ванну и расслабиться заставило Викторию проявить чудеса сообразительности. Она пролистала паспорт Алисы, нашла штамп с пропиской и вскоре уже припарковала «рено-символ» во дворе дома в Яблочном переулке. Ключ от домофона и ключ от квартиры нашлись в сумочке. Там же, кстати, лежала целая пачка денег – рубли, доллары, евро, а еще косметика, презервативы, две авторучки, носовой платок с буквами DIOR.

– Даже платок фирменный, – вздохнула Вика. – Комильфо, куда деваться. Эх, если бы у меня перестала болеть голова!

Коробкин приучил ее быть выносливой и стойко терпеть боль. Сколько раз, вся в синяках и ссадинах, она пускалась в путь, вместо того чтобы передохнуть, отлежаться. Она убегала от своего злого демона, схватив в охапку Данилку и вещи, и у нее темнело перед глазами, потому что треснувшие ребра не хотели пускать воздух в грудную клетку.

– Эй, есть кто-нибудь? – не без опаски спросила Виктория, проникая в чужую квартиру. Внутри было совершенно темно.

Нашарив выключатель, Вика замерла. Она отвыкла от подобной роскоши. Интерьер апартаментов был настолько же изыскан, насколько безжизнен – словно сошел с фотографии из глянцевого журнала. Ни одна милая вещица не оказалась здесь случайно – все было продумано и соответствовало твердой руке и своеобразному вкусу архитектора.

Плазменный телевизор огромным гобеленом повис на стене. Диваны, обтянутые пурпурно-красной кожей, упирались серебряными ножками-копытцами в белый паркетный пол, в центре распласталась полосатая шкура зебры.

Вика обессиленно опустилась в нечто, отдаленно напоминающее кресло, и задумалась. Кусочек чужой богатой жизни, таинственным образом перепавший ей, заставил вспомнить время, когда она сама жила в роскоши...

...Не только жюри оценивало девушек, дефилировавших в купальниках по сцене. Из темноты зала «Красавиц Приморья» образца 1996 года вдумчиво разглядывали влиятельные лица города, фабриканты, предприниматели, жадные до хрупкой девичьей красоты.

Шелковая лента победительницы, песцовый полушубок и чемодан косметики были Виктории подарком от организаторов и спонсоров конкурса. А сама она стала живым подарком заезжему бизнесмену Кириллу Коробкину. Обаятельный, с ямочками на щеках, богатый, веселый Коробкин протянул руку и сорвал чудесный цветок так просто и уверенно, будто именно для него он рос во влажном климате Приморья два десятка лет.

В двадцать два года Виктория родила Данилку. Райская жизнь с умопомрачительным Коробкиным превратилась в сущий кошмар. Постепенно Виктория прозрела, каким способом Кирилл заработал деньги на шикарную квартиру, на рестораны, джипы, бриллианты для жены. Он был мошенником, строил финансовые пирамиды областного масштаба, проворачивал разнообразные аферы, которые его мозг генерировал с неистощимой изобретательностью. У него в анамнезе красовались две судимости за мошенничество, о чем Кирилл не поспешил уведомить невесту. Виктория узнала об этом случайно.

Переезды из города в город, возмущенные кредиторы, обманутые жертвы были неотъемлемым антуражем совместной жизни с Коробкиным. К тому же обаятельный, вальяжный Кирилл пользовался непреходящим успехом у женщин и активно дарил им свое внимание, деньги, свободное время. Вике была отведена роль безгласной домашней утвари. Первую опле-

уху она схлопотала, когда возмутилась, увидев следы губной помады на его рубашке. Кирилл не собирался ничего объяснять. Вербальным методам воздействия он предпочитал физические. Первая трепка ознаменовала конец Викиной любви к мужу. Теперь она его тихо ненавидела.

Да, она была разодета в меха и драгоценности, к ее услугам был элегантный джип «Тойота-RAV-4». Лучшие бутики города, дорогие косметические салоны, элитные фитнес-клубы ждали в гости vip-клиентку. Взамен она должна была мириться с непостоянством Коробкина, его бесконечными адюльтерами и ясным пониманием того, что она стала половинкой для человека преступного, порочного, жестокого. Каждая копейка, потраченная Викторией на семгу или помидор, имела бесчестное происхождение.

Но и это было не самое ужасное. Страх за себя и сына изводил Викторию. Она и Данила могли заплатить жизнью за опасные игры, в которые играл Коробкин. Он балансировал на острие ножа, жена и сын являлись заложниками его страсти обманом выкачивать из людей деньги. И Виктория сбежала назад к родителям с трехлетним Данилой на руках.

Поступок молодой супруги потряс Кирилла. Арабский шейх был бы менее ошарашен. Как такое возможно! Им – сказочным и невероятным мужиком – пренебрегла белобрысая пустоголовая кукла! Коробкин воспринял уход Виктории как личное оскорбление. Холодная ярость сияла в его глазах, когда он приехал на переговоры. Никогда его еще не бросали женщины – подобная операция являлась его прерогативой.

Следующим потрясением для Коробкина стал развод. Он-то собирался лихо отсудить себе ребенка, используя деньги и знакомство с влиятельными людьми. Судья, простоватая на вид, усталая женщина, как-то очень спокойно наплевала на все телефонные звонки, посулы, записочки от начальства, намеки и угрозы и решила дело в пользу Виктории.

Окончательно добит Коробкин был тем, что из его роскошной квартиры Вика забрала только самую необходимую одежду и несколько детских игрушек. Не потребовав раздела имущества, не заявив прав на джип, шубы, драгоценности, она лишила Кирилла возможности отказать ей. А ему так хотелось, избавив жену от любимых вещей, напомнить бунтарке, из какой убогой бедности он ее вытащил.

Проиграв сражение с упрямой блондинкой, потерпев позорное фиаско, Кирилл пообещал, что превратит жизнь Виктории в ад. И сдержал обещание. Два раза он похищал ребенка из детского сада и увозил его в другой город. Возможно, он не чаял души в сыне. Но к светлому чувству отцовской любви примешивалось страстное желание отомстить Виктории за свое нравие и вольнодумство.

Вернув сына после второго похищения, Виктория исчезла. Коробкин метался по городу, оглашая улицы рычанием и проклятиями. Бесполезно – Вика и Данила испарились. Ее родители пожимали плечами – дочь не оставила адреса. Через полгода Коробкин обнаружил беглецов в Новосибирске...

...От нахлынувших воспоминаний Викторию оторвал писк мобильного. Телефон надрывно пищал, как пушистый суточный цыпленок в поисках курицы-мамы и пропитания. Мелодии на мобильнике Алисы Горностай, очевидно, не повторялись. Каждый раз звучал новый сигнал.

– Ну надо же, какие мы изысканные! – сказала Виктория. – Да.

– Алиса Витальевна, здрасте, – быстро затараторила трубка. – Это я. Я сижу в «Лимоне». Тут яйца подвезли, и почти все – нестандарт. Я откажусь. А шоколад с фабрики – ну явно не шестьдесят шесть процентов какао, а ведь заказывали. Утром подъедете, а? Я понимаю, вы собирались в отпуск, но...

– Нет, – отказалась Вика. На мгновение она задумалась: признаться ли, что она не та, за кого ее принимают. Но у ее собеседника явно и так было нелегкое положение – он умудрился залезть в лимон, яйца у него были нестандартными, шоколад – некондиционным. Что могло быть хуже? Виктория решила не грузить мужчину своими проблемами.

– Думаю, вы справитесь без меня.

– Ладушки! – согласилась трубка. – Буду справляться без вас. А когда подъедете?

– Посмотрим, – туманно пообещала Вика.

Ровно через пять секунд мобильник вновь потребовал к себе внимания.

– Так нечестно! – возмутилась Вика. – Я не Алиса! Я не смогу вам помочь. Мне бы с собой разобраться! Считайте, что Алиса Горностай в отпуске.

И отключила телефон.

Глава 6

Два создания славно трудились в офисе «Поможем!» ранним апрельским утром. Одно было Машей, другое – пирожным с шоколадным кремом.

Да, сегодня Аполлиналирия точно превратилась в пирожное, иначе как объяснить плотоядные взгляды, постоянно посылаемые в ее сторону Марией?

Маша стукнула по клавиатуре, вздохнула, подвигалась в кресле и вновь с вождением посмотрела на подругу. Ей ужасно хотелось поговорить. С тех пор как Лиза Виноградова³ уехала во Францию, Мария лишилась аудитории для обсуждения сердечных вопросов. А в последнее время столько всего произошло!

С Полиной тоже можно было обсуждать сердечные вопросы, но с уклоном в чистую физиологию, как с врачом-кардиологом. Маша знала – буквально через неделю Полина улетает с Николашей в Мюнхен. Тревога за ребенка и страх перед операцией мрачной тенью отпечатались на лице Полины. Приставать к подруге накануне этапного события в ее жизни, грузить рассуждениями о взаимоотношениях полов было негуманно.

Тени под глазами не портили Аполлиналирию. Каждый раз оглядывая единственного наемного работника, Маша пыталась представить, какой была Полина семь лет назад, когда победила в конкурсе «Красавица Приморья».

– У тебя есть фотография с конкурса красоты?

– Да. И плакат.

Полина оторвалась от компьютера и улыбнулась Марии. В уголках шикарных губ затаилась горечь. В отличие от начальницы приморская красавица не выходила из дома без обязательного минимума косметики, хотя выразительные черты лица Полины нуждались в макияже гораздо меньше, чем заурядная мордочка Маши Здоровякиной. Да и одевалась Аполлиналирия в духе героинь О.Генри: у нее было всего два костюма, однако отменного качества и дизайна. Маша, занимая в материальном плане выигрышное положение по сравнению с Полиной, не вылезала из джинсов.

Когда-то она сделала попытку начать новую жизнь: сходила в косметологический салон, закупила центнер модной одежды, покрасила волосы, выщипала брови, сделала эпиляцию. Через два месяца регулярных экзекуций пыл Марии угас. Чтобы гвоздями вогнать себя в противоестественный образ «девушки с обложки», требовалась масса денег и грандиозное количество времени. Времени было безумно жаль. «Тратить на коррекцию акриловых ногтей четыре часа каждые две недели могут только люди, которые собираются жить вечно!» – решила Мария и позволила себе вернуться в естественные рамки. Бриллиантовая краска постепенно смылась с ее волос, туфли на шпильках были задвинуты в угол шкафа-купе, джинсы, джинсы, вечные джинсы одержали победу над костюмами от «MaxMara».

Но тут появился усмехающийся Ян Вепрецкий, элегантный, как торшер, посмотрел на Марию сверху вниз и заставил ее заволноваться. Именно персону Вепрецкого мечтала сегодня обсудить с подругой Мария.

– Фотографии, конечно, тоже есть, – добавила Полина.

– Какие фотографии? – не поняла Маша.

Ее мысли неслись вскачь газмановским эскадроном, и она уже забыла о вопросе, заданном минуту назад Полине.

– С конкурса красоты.

– А... Увидеть бы. Как ты там выглядишь?

– Довольно сносно.

³ История Лизы Виноградовой – в книге «Девушка без недостатков».

Полина опять уставилась в монитор, не дав Марии шанса развить диалог и довести его до желанной темы.

- Сильно волнуешься из-за операции?
- Невероятно.
- Иди домой, Полина.
- Дома еще хуже. Здесь я хотя бы отвлекаюсь от мыслей.

Мария взглянула на себя глазами Аполлинарии и ужаснулась: как ничтожны и надуманны все ее проблемы!

Приятное волнение, охватывавшее Машу в обществе Вепрецкого, настырный Здоровякин, удвоивший в последнее время сексуальные притязания, – глупо и несерьезно занимать время размышлениями на эту тему. Или нет! Наоборот, необходимо основательно все обдумать. Имеет ли она, Маша, моральное право флиртовать с Вепрецким, когда в спину дышит ненасытный и неизбежно родной Здоровякин? Или она обязана заботиться о своем нравственном облике, как мать троих маленьких детей? А нельзя ли элегантно спихнуть с себя материнские обязательства, как она отделалась от функции жены? Отдать пацанов на месяц свекрови и...

- Так, – тихо сказала себе Маша, – приплыли. Меня несет, как «Титаник» на айсберги!

– Что ты там бормочешь? – улыбнулась Полина. – Маша, ты странная. Ты помнишь наш разговор по дороге в аэропорт?

- О чем?
- О твоей беременности.
- Не смейся меня, Полина! Ты считаешь, если меня зовут Марией, то я способна к непорочному зачатию?
- Тебя недавно тошнило.
- Я съела полторта.
- Да. У тебя изменились вкусовые пристрастия. Раньше ты относилась к пирожным, как гомосексуалист – к женским прелестям. А теперь кидаешься на сладкое голодной пантерой.
- Да, такое со мной впервые. Но я не беременна.
- На днях ты плакала, потому что умер Моцарт!
- Но ведь это трагедия!
- Согласна, трагедия. Но произошла она в восемнадцатом веке. Наши прабабушки еще даже не были яйцеклетками!
- Но я слушала «Реквием»! У меня чуть сердце не разорвалось!
- Ты его в первый раз, что ли, слушала?
- Угу. И мне стало жаль, что мужик, создавший эту гениальную музыку, умер в тридцать семь лет.

– Понятно. Только беременная женщина способна столь виртуозно изобретать поводы для слез.

- Нет, все равно я не беременна.
- А пигментация?
- Это весна! – обиделась Маша. – Оттого и веснушки. Неужели сильно видно?
- Не сильно. Но видно. И еще. У тебя вырос бюст. Вчера ты надела водолазку, и я заметила.

– Должен же он был когда-то вырасти! – с отчаянием воскликнула Маша. – Давно пора!

– Если он будет расти такими темпами, ты скоро составишь конкуренцию девушкам из «ВИА Гры». А сбой в цикле? И это самое главное. Мария! У тебя ребенок.

Ужас застыл в глазах Маши. Лихорадочно она стала соображать, когда умудрилась залететь. Получалось, что никогда.

Илья – человек, ушибленный многодетным отцовством, – был почетным клиентом ближайшей аптеки. Раз в месяц он затаривался тонной презервативов, вызывая немое восхищение у очереди (граждане полагали, это его суточная норма). И даже подобные меры предосторожности не казались Илюше достаточно надежными. У него была мечта раздобыть костюм взрывотехника. Облачившись в этот изящный наряд, Илья, наконец, спокойно занялся бы сексом с Марией, не беспокоясь о перспективе пополнения семейства.

После переезда Ильи в квартиру Валдаева нормы расхода презервативов существенно сократились, но все равно буйные хомячки Здоровякины никогда не забывали о полезных резиновых изделиях. Соблазнить Илью «незащищенным» сексом было совершенно нереально.

– А я слышала, подобные симптомы характерны при неисправной щитовидной железе, – подавленно произнесла Маша. – У меня щитовидка барахлит, да?

В голосе Марии звучала надежда. Она просто мечтала, чтобы у нее барахлила щитовидная железа.

– Купи тест, – безжалостно произнесла Аполлинару. – Если ты беременна, надо что-то предпринять. Если решишь ничего не предпринимать, тогда ты обязана изменить образ жизни. Беременной женщине не пристало сидеть двадцать четыре часа за компьютером и литрами пить кофе. Маша, не закрывай в страхе глаза, а займись проблемой...

«Мне будет не хватать Аполлинару, когда она уедет в Германию, – думала Маша, – разглядывая сквозь стеклянную витрину аптеки лекарственные препараты. Тест на беременность стоил всего четырнадцать рублей. – Она четкая и обязательная. У нее внутри стальной стержень, а снаружи – безумно привлекательная оболочка. Что бы делала я, если б мой ребенок был болен? Боже упаси! Я бы рыдала с утра до вечера. А Полина...»

Тут Мария почувствовала, что ее глаза наполнились слезами. На днях она оплакивала бедного Моцарта. А теперь собралась порыдать над несчастной судьбой Аполлинару. «Какой я стала сентиментальной! Неужели точно беременна?» – ужаснулась Маша.

– Дайте аскорбинку горошком, и в больших таблетках, и в пакетиках, – сказала она фармацевту.

Маша решила бороться с пигментацией отказом от кофе, а новоявленную страсть к шоколаду и тортам истребить силой воли. Заботу о здоровье Маша возложила на аскорбиновую кислоту, полагая, что этого будет вполне достаточно.

Для сентиментальности, несвойственной Маше ранее, тоже нашлось объяснение. Свою нервозность Мария списала на изменение жизненной ситуации.

Здоровякин всегда играл роль двухметровой бетонной стены, прочно огораживающей личное пространство Марии. Три с половиной года назад Настасья Кармелина проломила в этой стене брешь, но осуществить полномасштабную интервенцию ей все-таки не удалось. И тогда Мария собственноручно заложила тротильную шашку в основание семейного благополучия и завершила дело, начатое коварной Настасьей. Она выставила Илью на улицу. Она добилась развода. В глубине души Маша сомневалась, была ли права, не найдя в себе сил простить измену Здоровякина. Силы нашлись почему-то только после развода. И что теперь им делать, опять жениться? А как же Вепрецкий, к которому Марию безудержно влекло?

«Короче, я запуталась! Стоп, а почему я не купила тест?»

Действительно, почему? Мария вышла из аптеки, сгибаясь под тяжестью десяти килограммов аскорбинки. Но тест она так и не купила. Неужели боялась увидеть результат?

А что, пока никто не в силах объяснить удивительную бесконечность Вселенной, значит, чудеса возможны и на Земле. И Маше не хотелось оказаться необъяснимым феноменом, одним из загадочных земных чудес. Она никак не могла подзалететь – это однозначно. Но почему-то по утрам ее тошнило.

Кровать была огромной и мягкой, шелковое постельное белье – нежным, усталость – невероятной. В общем, у Виктории было девяносто девять шансов из ста опоздать на работу. Она так и сделала, проснувшись в квартире Алисы Горностай в десять утра, в то время как рабочий день в автосалоне начинался в девять.

– Проспала! – констатировала Виктория, выбираясь из-под невесомого одеяла.

Повернуть время вспять было невозможно, оставалось смириться с фактом. Тем более, она и так пропустила один рабочий день – понедельник. Главный менеджер наверняка клокочет праведным гневом. А на собственное аутодафе не грех и опоздать.

Уже не спеша, наслаждаясь процессом, Вика поплескалась в сверкающей круглой ванне. Розовая эмульсия, добавленная в воду из флакона, наполнила ванную волшебным ароматом.

Заматавшись в пушистое полотенце, Виктория рассматривала себя в зеркале. Феном она взлохматила на макушке остатки волос. Они высохли моментально! А раньше это была длительная процедура.

Виктория грустила об утраченной великолепной шевелюре не более минуты, а затем усилием воли заставила себя не думать о потере. Она всегда старалась не переживать из-за того, что еще не случилось, и не долго плакать над тем, что уже не изменить. Вот и сейчас Вика сказала себе, что новая короткая прическа и темный цвет волос делают ее необычайно эффектной, хотя и меняют до неузнаваемости.

Оставляя влажные следы на гладком паркетном полу, Виктория промчалась к окну и раздвинула жалюзи. Солнце брызнуло в комнату, наполнило ее праздничным светом. В начале апреля оно было бледным и прозрачным, теперь стало кукурузно-желтым. Солнечные лучи засверкали на стеклянной столешнице, вспыхнули сумрачным сиреневым огнем на боках громадной напольной вазы, янтарными пятнами легли на паркет. «Ура!» – подумала Вика. Впервые за долгую холодную весну она почувствовала приближение тепла.

Огромный двухдверный холодильник радовал набором продуктов. Вика ощутила жуткий приступ голода, спровоцированный не столько пустотой желудка, сколько видом заманчивых деликатесов. Она миллион лет не ела ничего подобного! Макароны, капуста, картошка были привычными хитами ее ресторанного меню. Мясо, фрукты и конфеты предназначались исключительно Даниле.

Когда аромат натурального кофе наполнил кухню, Виктория почти лишилась чувств. «Я попала в сказку!» – подумала она, выставляя на стол гастрономические безумства и захлебываясь слюной. Сейчас она, урча, вгрызется в аппетитный влажно-розовый ломоть окорока!..

Удивительно, но издевательства Коробкина не заставили Викторию обзлиться на целый мир. Пережив подобные мучения, любой другой человек стал бы мизантропом. Виктория фокусировала обиду и ненависть на одном лишь Кирилле, не распространяя отрицательные эмоции на весь человеческий род. У нее был счастливый характер – жизнерадостный и оптимистичный. По утрам улыбка на ее лице появлялась раньше, чем она успевала открыть глаза. Она всегда была настроена на поиск плюсов, а не минусов. С упорством непотопляемой лодочки она в сотый раз выныривала из воды, лечила ушибы и ссадины, оставленные Коробкиным. Она обустраивалась в съемной квартире, где зачастую раковина была оранжевого цвета, а по ночам с грохотом бродили по кухне тараканы. Она находила две-три работы, не чураясь даже самой тяжелой физической. И по вечерам, закутавшись в дырявый плед и читая с Данилой букварь, Виктория мысленно убеждала себя, что когда-нибудь Кирилл оставит ее и сына в покое.

Ее мечта сбылась. Единственный злой гений исчез из Викиной биографии, разбившись в вертолете. А кроме Коробкина, больше никто на свете не желал ей плохого. Именно так думала Виктория.

– Шейчаш я Алиша Горноштай, – объяснила себе Виктория. Ее дикция хромала, так как рот был набит раффаэлками. – Наверное, настоящая Алиса попала в беду, и у нее не было другого выхода, как найти себе замену. Я должна ее прикрыть. Что ж, довольно приятная миссия...

На самом деле, дорогая одежда, первоклассная еда, фешенебельная квартира, перламутровый «рено» и, наконец, роскошные голливудские зубы – пока Вика только выигрывала от загадочного превращения из Виктории Коробкиной в Алису Горноштай.

– Объяснения кроются в черной дыре, – сказала Виктория.

Черная воронка в ее сознании, поглотившая двое суток, таила и разгадку. Но Вике ничего не удавалось вспомнить.

– Возможно, я сама договорилась обо всем с Алисой? Я исполняю роль. Она в это время занята чем-то другим. Да? За это мне подарили новые зубы. Представляю, во сколько они обошлись. Ладно. Но почему же Тамара Никитична, хозяйка квартиры, утверждает, что никогда не сдавала мне жилье? Фокусы какие! А та дамочка говорит, что живет в моей квартире уже полгода! Но это невозможно! Нет, я ничего не понимаю...

Если судить по активным продажам в автосалоне «Тойота», где работала Вика, благосостояние народа росло буйно, как бамбук под тропическим ливнем. Или это был не народ?

Элегантные «короллы» по 18 тысяч долларов разлетались в мгновение ока, словно стая испуганных рябчиков. На стильные RAV-4 с полным набором опций и кожаным салоном клиенты записывались в лист ожидания. Мощные «лендкрузеры» по 60 тысяч расходились удивительно резво. Что же говорить о скромных и не менее симпатичных моделях? Их приобретали попутно, между делом, как пучок редиски. В качестве второй-третьей машины, или как недорогое дополнение к бриллиантовому колье на совершеннолетие любимой дочке.

Каждый день Виктория сталкивалась с людьми, для которых полмиллиона рублей не являлись крупной суммой денег. Все они были напористы, эгоцентричны и очень напоминали ей бывшего мужа. Поэтому Вика, иногда растягивавшая на неделю одну сотенную бумажку, никогда не удивлялась и не завидовала клиентам и их пассиям. Она понимала, что в большинстве случаев деньги, легко растрачиваемые посетителями автосалона, имеют криминальное происхождение.

Сегодня Виктория собиралась всех удивить. Даже предстоящий нелегкий диалог с главным менеджером не мог испортить запланированного эффекта. О, как потрясающе она выглядела! Ее внешность была настолько же привлекательна, насколько и стервозна. Жгучая брюнетка с черными бровями вразлет и пурпурным ртом. А куда исчезла милая барби со светлой челкой, падающей на большие серые глаза? Изъятый из гардеробной комнаты Алисы жемчужно-серый костюм был великолепен. К нему идеально подходили сапоги, сумка и перчатки из тонкой кожи розового цвета.

Едва за спиной Виктории захлопнулись стеклянные двери салона, как перед ней распахнулись ласковые объятия продавца-консультанта.

– Здравствуйте, меня зовут Игорь. Буду рад вам помочь! – устремился он к потенциальной клиентке. Девушка выглядела как супермодель и обалденно пахла дорогими духами.

И тут Вика поняла, что коллега совершенно ее не узнает. М-да... Очевидно, ее просто невозможно было признать в образе белозубой шикарной брюнетки.

– Игорь, это я! Вика!

Парень замер, напряженно вглядываясь в лицо посетительницы.

– Простите?

– Ну, Игорь же! Ты что? Это я! Виктория!

– Простите, я не совсем понимаю, – промямлил Игорь и немного попятился. Крайнее смещение отражалось в его глазах. Он собирался с разгону впарить крутой клиентке автомобильчик подороже и получить отличные комиссионные. Но клиентка несла какую-то ахинею.

Виктория решила изменить тактику. Раз ее никто не узнает...

– У вас работает Виктория Коробкина? – спросила она.

Игорь несколько минут напряженно вглядывался в лицо роскошной девицы.

– М-м-м, – промычал он.

– Могу я ее увидеть?

– Да нет у нас такой, – вымолвил наконец Игорь.

Вика мысленно упала на белый мраморный пол и забилась в конвульсиях.

– Виктория Коробкина! – в отчаянии повторила она.

– Извините, не знаю... На моей памяти, по крайней мере, она у нас не работала.

«Игорь! Вот же я стою перед тобой!» – почти закричала она консультанту, но поняла, что это бесполезно. Профессионально-подобострастный взгляд Игоря говорил лучше слов – он действительно не узнавал Викторию.

В сторону посетительницы направился менеджер салона. Его звали Феликс (партийная кличка Эдмундич), и именно этот гражданин когда-то утверждал, что у Виктории волосы цвета золотистой пшеницы.

– Проблемы? – вкрадчиво осведомился он.

– Вот, – вздохнул Игорь. – Девушка ищет Викторию Коробкину.

И повернулся к Вике спиной, демонстрируя, что если ее не интересуют чудеса японской автопромышленности, то его не интересует она сама.

– Виктория Коробкина? – задумчиво переспросил Феликс. Он даже не потрудился внимательно рассмотреть посетительницу. Он едва мазнул по ней взглядом и тут же принялся листать какие-то бумаги. Видимо, Феликса привлекали только девушки с волосами цвета золотистой пшеницы. А девушки с волосами цвета разлившейся нефти не привлекали вовсе. – Нет, у нас такая не работает. Кстати, не желаете посмотреть – мы получили свеженькие «авенсис». Бесподобный дизайн, все опции, потрясающие ходовые качества... Нет? Ну, заходите к нам еще!

Последняя фраза прозвучала вдогонку. Обескураженная, Виктория устремила к выходу. Она очень торопилась, ей необходимо было быстрее выбраться на улицу, на свежий воздух. Потому что она вдруг увидела, что на голове у Феликса вспучилась лиловая шишка, как проблесковый маячок на крыше милицейской машины. Шишка увеличивалась в размерах, росла, пока не лопнула, словно созревший прыщ. Ее содержимое – вязкая жидкость фиолетового цвета – потекло по лицу Феликса. Но он ничего не замечал, даже не пытался утереться. Виктория поспешила избавиться от ужасного зрелища. Она мчалась к выходу, а огромные автомобили справа и слева норовили дотянуться до нее резиновыми колесами. Колеса стали тягучими и мягкими, как чуингам, они липли, хватали Викторию за ноги. С огромным трудом ей удалось освободиться и выбраться наружу...

...марк, постой... нет... увязался... дыши... и сам не рад... ковбой... ковбой... привяжи... сильная... давай скорее... марк... стой, не надо... нет...

Вика прислонилась к наружной стене здания. Гладкая поверхность приятно холодила даже через одежду. Вика закрыла глаза, она часто дышала. На лбу выступила испарина.

– Все нормально, – сказала она себе. – Сейчас это пройдет. Сейчас.

Глава 7

От Илюши Здоровякина Отелло отличался лишь некоторой смуглостью кожи. Других различий между этими двумя измученными мужчинами не было.

Единственный друг, способный облегчить страдания ревнивца, был далеко – где-то в Европе. Прошлым летом Валдаев отправился во Францию к Лизе Виноградской. Та, получив в наследство квартиру в Париже, исправно курсировала между двумя странами. И однажды Александр, не в силах одолеть тоски очередного расставания, выправил визу и устремился за девушкой на чужбину. Да там и сгинул.

Любимая кошка Пульсатилла тоже отправилась в Париж. Она пересекала границу в дорожном саквояже, исполняя роль мехового манто. Пушистое манто моргало глазками в темноте баула среди валдаевских свитеров и рубашек. А когда таможенник сунул экзаменующую длань в недра увесистой сумки, его лицо преобразилось: глаза наполнились ужасом, рот открылся, слюна закипела в уголках губ. Ошизевшая от тряски, Пульсатилла бросилась на инспектора с возмущенным шипением: «Руки прочь от комиссарского тела!»

Александр, способный найти выход из любой ситуации, каким-то образом убедил таможенню, что персидская красавица – медицинское снаряжение (пояс от остеохондроза), необходимое инвалиду Валдаеву по жизненным показаниям. Пульсатилла, настроившаяся на роль драгоценного палантина, а затем низведенная до уровня пояса от остеохондроза, целую неделю дулась на хозяина за оскорбление ее меховых достоинств.

Семья Здоровякиных ждала возвращения Валдаева и Лизы из Парижа с нетерпением. По заявлению Александра, Лиза пробудила в его душе чувства, отличные от тех, что пробуждали предыдущие восемьсот – девятьсот девушек. Иными словами, закоренелый холостяк и отпетый донжуан Валдаев решил жениться. Свадьбу предполагали справить в родном городе. Но летели месяцы, а Валдаев и Лиза все не возвращались из Франции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.